

ЕКАТЕРИНА АНТОНОВА

ВЕДЬМА:

РОЖДЕННАЯ ЗАНОВО

Ведьма

Екатерина Антонова

**Ведьма: Рожденная
заново. Книга 2**

«Автор»

2022

Антонова Е.

Ведьма: Рожденная заново. Книга 2 / Е. Антонова — «Автор»,
2022 — (Ведьма)

Катя – рядовая офисная служащая, живущая размеренной и спокойной жизнью. Но все встает с ног на голову, когда она знакомится с влиятельным владельцем ночного клуба, который сразу обращает на нее внимание. С этого момента с девушкой начинают происходить мистические и пугающие события. Сможет ли Катя справиться с демонами прошлого, осознать собственное предназначение, обрести верных соратников и победить в войне длиною в тысячелетие?ТОМ 2

© Антонова Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Екатерина Антонова

Ведьма: Рожденная заново. Книга 2

Глава 1

Осенняя луна настойчиво стучала в окно квартиры изгнанника. Каин Вуд с трудом разлепил глаза. Как он умудрился заснуть так надолго? Катя по-прежнему лежала на кровати, но ее щеки порозовели, а грудь ровно вздымалась. Девушка дышала и была жива. Изгнанник с облегчением выдохнул. Видимо, кризис миновал. Лобанов мирно посапывал у основания кровати, но Каин растолкал его.

– Подъем, целитель. Ночь на дворе.

Тот протер глаза и непонимающе заморгал, затем поднялся и оценивающе посмотрел на Вуда.

– Ты слишком хорошо выглядишь для того, кто потерял литр крови и кучу нервов, – сказал он, – мне нужно с тобой кое-что обсудить. Вопрос моей награды...

– Я сказал, что заплачу тебе, – раздраженно процедил изгнанник и подошел к девушке, касаясь пальцами ее ладони.

Каждый раз, когда он видел Катю, внутри просыпалось навязчивое желание постоянно касаться, чувствовать ее. Это сильно раздражало и он, как мог, скрывал сложные для себя эмоции за маской безразличия. Девушка мирно спала, но ее вид оставлял желать лучшего. Нужно было обеспечить ей комфортное выздоровление, для начала хотя бы помыть. Но Лобанов все не унимался.

– Каин, мне не нужны деньги. У меня своя клиника, благодаря тебе я смог многого добиться и благодарен за это. Но я хочу знать правду.

Вуд поднял бровь и вопросительно глянул на профессора.

– Какую именно правду, Лобанов? Она у каждого своя.

– Не надо заговаривать мне зубы, юноша.

Каин сначала не поверил такой наглости, но убедился, что врач серьезен и решил дослушать до конца. Лобанов же замолчал, обдумывая дальнейшие слова.

– Почему она исцеляется? Скорость регенерации ее тканей во много раз превышает человеческую. А ты потерял литр крови и через несколько часов уже здоров. Я врач и не верю в бога, но не могу игнорировать подобную... ситуацию.

С каждым словом профессор все больше нервничал. Сначала он теребил рукав халата, затем стал то и дело трогать лицо. Врач сильно рисковал, ведь Вуд мог не понять любопытства и оборвать его жизнь прямо в этой комнате. Но Лобанов чувствовал, что нужен этому человеку. Каин молчал. Спустя пару минут мучительной для профессора тишины, изгнанник ответил:

– Я подумаю над твоими словами. Однако правда стоит куда дороже, чем ты думаешь. Давай заключим сделку: ты ставишь девушку на ноги, а я кое-что тебе поведаю.

Лобанов согласно кивнул. Что ж, это лучше, чем ничего. Он стал собирать вещи, раскладывая по контейнерам инструменты, снял и убрал в портфель свой халат.

– Мне нужно выспаться, иначе я вряд ли смогу дальше работать, – сказал он, – тебе бы тоже не помешало отдохнуть подольше. Девочка в норме. Ночью был сильный жар, но кризис прошел, я сбил температуру. Единственное, нужно ее помыть и переодеть. Может я все-таки вызову медсестру?

– Я сам, – сказал Каин, – езжай.

Он не хотел, чтобы его щечка касались чужие люди. Они и так уже напортачили. Когда профессор уехал, Каин направился в душ. Он чувствовал себя на удивление хорошо, несмотря

на сильную кровопотерю. Главное, что смог помочь ведьме. Сняв потные вещи, Вуд брезгливо швырнул их в пустующий таз для белья, затем оглядел себя в зеркало. Руны больше не беспокоили изгнанника. Он не меньше часа стоял под прохладной водой, пытаясь смыть смрад привязанности. Но чем больше думал об этом, тем сильнее желание обладать ведьмой сковывало, словно крепкая стальная цепь.

Выйдя из ванной, Каин надел джинсы и футболку, затем взял пустой таз, налил туда теплой воды и кинул чистое полотенце. Убрав окровавленный шерстяной плед, мужчина затолкал его в стиральную машину. Все это время девушка оставалась в порванном черном платье, а запачканные кровью слипшиеся светлые волосы растрепались на подушке. Каин аккуратно приподнял легкое тельце и расстегнул платье. Внутри снова боролись противоречивые чувства, но он пока подавлял растущее желание. Еле касаясь пальцами ее кожи, стащил неприятную жесткую ткань и выкинул одежду в мусорное ведро. Легким движением мужчина аккуратно расстегнул бюстгальтер, затем быстро стянул с нее трусики.

До этого совершенно не ощущал никакой похоти, даже наоборот. Он словно спасал маленького щенка из-под колес несущегося автомобиля. Тело и мозг были предельно напряжены. Сейчас же, когда он смог позволить себе расслабиться, внутри появилось желание овладеть ведьмой. Каин как мог сопротивлялся ему, протирая влажным полотенцем худенькие ручки, затем плечи, ключицы. Дойдя до груди, изгнанник громко выдохнул. Как ни странно, но ему потребовалась вся сила воли, чтобы совладать с собой и продолжить.

«Ты же хочешь ее. Почему бы не позволить себе утолить голод?»

Вкрадчивый голос теперь постоянно был рядом, Вуд чувствовал его так же ярко, как раньше. Но он не животное, поэтому девушке ничего не грозит. По крайней мере пока.

«Она все равно будет принадлежать тебе. Чего тянуть? Такой нежный бутончик. Сорви его и растопчи.»

– Заткнись, – прорычал Каин, быстрыми четкими движениями обмывая грудь Кати.

Опускаясь вниз, он начинал терять контроль. А голос все не унимался:

«Ты изменился, хозяин. Стал трусливым, нерешительным. Перед тобой беззащитное, принадлежащее тебе женское тело, а ты не можешь овладеть им. Жалкий.»

Изгнанник проигнорировал эту провокацию, потому что прекрасно понимал, что тень права, однако набрасываться на раненую женщину без сознания он считал ниже своего достоинства. Куда более возбуждающим и волнующим находил постепенное порабощение, овладение душой ведьмы, которую потом можно разбить вдребезги. Что может быть слаще, чем использовать ее силу против Пантеона? Улыбка тронула лицо Каина. Тень мыслила примитивно, но это даже забавляло. Когда мокрое полотенце коснулось внутренней части бедра девушки, она застонала и сжала ноги.

– Молодец, щеночек, – прошептал он, – никого к себе не подпускай, даже меня.

После того, как изгнанник закончил мыть тело девушки, он удовлетворенно хмыкнул. Глубоко в душе мужчина чувствовал, что теперь ведьма принадлежит лишь ему одному. Ни волхвы, ни странное существо внутри патриарха, ни нежить больше никогда не коснутся ее. Убрав волосы с лица Кати, взгляделся в безмятежное лицо, затем провел рукой по скулам, щеке, подбородку. Красивая, со стальным стержнем внутри, но почему такая скованная и закрытая?

– Почему же меня так к тебе тянет, щеночек? – спросил он у спящей девушки.

Достав из шкафа мягкое покрывало, Каин накрыл ее, затем довольно потер ладони. Дело сделано, нужно продумать дальнейшие действия. Он планировал получить Катю, но немного позже, когда разберется с силами, поработившими патриарха. Они точно не имеют отношения к Нави, изгнанник бы знал. Но тогда что это такое? Одна ли тень или их много? Внутри него поселилось знакомое, давно утерянное чувство.

Мухорт появился под утро с усталым, но довольным лицом.

– Как прошло? – спросил он, осматривая безмятежное лицо ведьмы.

– Нормально, – сказал Каин, – ты достал труп?

– Обижаешь, – улыбнулся колдун, – пришлось изрядно вспотеть, но это было даже интересно. Не каждый день нужно искать мертвое тело тощей блондинки.

– Надеюсь, сработано чисто. Тело в морге? – спросил Вуд, выходя на небольшой балкончик и закуривая.

– Да, – сказал колдун, – теперь дело за малым.

Каин хитро улыбнулся, затем достал свой смартфон. Ему всегда удавалось волшебным образом достучаться до высокопоставленных лиц, при этом не оставляя следов. Слишком много информации было, слишком много фактов,ставляющих сильнее людей страны не в очень хорошем свете. Разговор с прокурором был коротким, ведь Каин умел убеждать даже самых несговорчивых.

– Вы же не хотите, чтобы в вашу отчетность закралась досадная ошибка, – сурово проговорил изгнанник, – висяки никто не любит, не правда ли? И пропавшее тело точно вызовет вопросы у общественности.

– ...

– Конечно, лишь эта маленькая незначительная деталь и пока мы в расчете.

Закончив разговор, мужчины вернулись в спальню и принялись размышлять над дальнейшими действиями.

– Для начала ее нужно одеть, – сказал Мухорт, протягивая руку к лицу спящей ведьмы.

– Коснётся, убью, – спокойно сказал изгнанник, но этого хватило, чтобы колдун одернул руку.

Каин стал рыться в шкафу. Он редко приезжал в эту квартиру, здесь были лишь самые необходимые вещи: комплект одежды для отдыха и один костюм. Мужчина достал рубашку и сурово взглянул на соратника.

– Выйди вон.

Когда Мухорт скрылся за дверью, Каин аккуратно одел девушку. Она тяжело задышала, словно почувствовав его прикосновение. По телу Вуда пробежала новая искра возбуждения, но он снова ее погасил. Еще не время. Руки Кати стали холоднее, изгнанник поспешил накрыть ее, затем вышел за колдуном.

– Каин, – сказал тот, – посмотри.

Широкий плазменный телевизор был включен, Мухорт напряженно смотрел на выступавшего по центральному телевидению патриарха. Каин взял пульт и добавил звук.

«... и мы бесконечно сожалеем об этой утрате. Верующие всего мира скорбят вместе с нами. Нападение на храм божий стало доселе невиданной, жестокой трагедией. Но мы призываем верующих не бояться террористов, а показать им, что мы способны объединиться перед лицом даже самой страшной угрозы. Ходите в храмы, молитесь за души погибших. К сожалению, эта трагедия, унесшая жизни пятидесяти трех невинных людей, явилась следствием свободы, которую мы дали сторонним религиозным организациям. „Славянское братство“ – неоязыческая секта, взявшая на себя ответственность за этот ужасный теракт, должна ответить перед законом за свои действия. Мы призываем всех, кто связан с этими людьми, связаться с полицией и предотвратить дальнейшие разрушения православных храмов...»

Дальше Каин Вуд не слушал, ведь в голове стремительно складывались кусочки паззла. Так вот, зачем все это было сделано, старый черт решил убить одним выстрелом двух зайцев. Братство и так было вне закона, а теперь их и вовсе обвиняют в терроризме. Но Каина это не волновало, внутри поднималась волна ненависти к старому патриарху. Конечно, Вуд понимал, что этот человек больше не принадлежит себе, что им управляет чудовищная разрушительная сущность, но остановить гнев уже не мог.

– Мы им не поможем? – спросил Мухорт, – всех переловят, пересажают или того хуже. Ты это допустишь?

– Меня это не касается, – отрезал изгнанник, – пусть волхвы сами спасают свои шкуры. У меня и так дел по горло. Плюс, засветиться в этом деле... сомнительная выгода.

– Но там не только волхвы, – сказал колдун в задумчивости, – простые люди, которые искренне верят в то, что боги вернутся. Их жизни будут сломаны.

– Они и так сломаны. Думаешь, Ратибор и его компашка могли дать им что-то, кроме бесполезной надежды на светлое будущее? Мухорт, с каких пор тебе интересна судьба простых людей?

– Неинтересна, просто столько жизней будет загублено, а чего ради?

– Как и всегда. Ради тех, кто сильнее. – сказал Каин.

Мухорт лишь хмыкнул. Давненько изгнанник не видел своего друга таким озадаченным. Несмотря на презрение, испытываемое к обычным людям, сейчас колдуну явно было жаль их. Каину претили компромиссы, но нужно что-то делать. Мужчина вздохнул:

– Если обратятся ко мне, я помогу. Но только в этом случае.

– Ладно, договорились, – вздохнул колдун, – Лобанов хорошо сработал?

– Да, но он отказался от оплаты, – серьезно произнес изгнанник, – захотел получить кое-какую информацию обо мне и Кате. В том числе, почему она так быстро выздоравливает.

– Это и для меня странно, – отозвался колдун, – ведьмы, конечно, всегда были сильнее обычных людей, но эта... меня поражает ее воля к жизни. Выжить в таком взрыве. Ее словно кто-то оберегает.

– О чем ты? – Каин внимательно взглянул на Мухорта.

Тот смотрел в пустоту перед собой, формулируя мысль.

– С начала времен каждая ведьма служила лишь своему богу. Ну, как служила... скорее была, своего рода, представителем, а за это получала некоторые привилегии.

– Ближе к делу, – начинал раздражаться изгнанник.

– И я вот думаю, может быть все эти перемены... из-за него? Кому еще может быть так нужна ее жизнь?

Каин скривился. Ему не нравилось направление, в котором мыслит его соратник.

– Сейчас это неважно, – резко оборвал колдуна, – обсудим этот вопрос потом.

Лобанов появился ближе к ночи. Профессор притащил с собой мобильную инфузионную станцию, капельницы, растворы, прочее оборудование и установил всё это рядом с кроватью.

– Ей нужны витамины, я сейчас поставлю капельницу. Меня должен кто-то заменять, когда я сплю или уезжаю за лекарствами. И еще взял с собой на всякий случай сухое питание, если она в течение пары дней не очнется. Каин, будь добр, заполни свой холодильник. Нужны фрукты, овощи, каши, мясо, обязательно питьевая вода. И еще... я взял пару пеленок, нужно подложить под больную и обязательно два-три комплекта свежего постельного белья.

Мухорт подошел ближе и обошел профессора, пристально рассматривая.

– Какое рвение, Лобанов. Ты со всеми пациентами так усерден?

– Мухорт, – сказал Вуд, – успокойся.

Но колдун не унимался:

– Нет, ну а что? В попытках прикоснуться к чему-то запретному, наш пассивный профессор вдруг оживился. Где гарантия, что он...

– Мухорт, – жестче повторил Каин, – тебе скучно?

Тот примирительно поднял руки и отошел. Однако Лобанов по-прежнему ощущал на себе едкий взгляд колдуна.

– Ева тебе поможет, – сказал Вуд профессору, – а мне пока нужно решить пару важных вопросов. Я вернусь ближе к вечеру. Если она очнется, сразу звони.

– Мелюзге это не понравится, – усмехнулся колдун, – она не захочет ухаживать за больной ведьмой.

– Это ее проблемы. Позвони ей, только пусть соблюдает осторожность и проверит, нет ли хвоста.

Мухорт поклонился, чем сильно удивил Лобанова.

– Я всё сделаю.

Глава 2

Прямой сильный удар пришелся прямо Александру в челюсть. И так измотанный волхв отлетел к стене и рухнул на пыльный пол. Разъяренный Ратибор подошел к нему и с силой схватил за рубашку.

– Ты хоть что-то нормально можешь сделать?!

С этими словами он швырнул Алекса в противоположную стену.

– погоди! – пыталась остановить его Радога, но Веслав схватил ее за руку.

– Мало того, что ты потерял ведьму, так еще и навел на нас изгнанника. Она ведь была единственным способом избавиться от него. А теперь мы, как на ладони.

– Чего ты так переживаешь, верховный волхв, – Алекс поднялся на ноги, выплевывая кровь, – она же для вас лишь инструмент? Не человек, а средство избавления от всех бед. Найдете другой.

– Она и есть инструмент, – процедил Ратибор, подходя к Александру и снова начиная его избивать.

Белый волхв не сопротивлялся, лишь периодически отхаркивал кровь. Радога отвернулась и вышла из давно заброшенного здания, ставшего им приютом на последнюю неделю, а Веслав лишь качал головой.

– Может хватит? – рыжий схватил верховного волхва за руку, но тот вырвал ее, продолжая неистово лупить Александра.

– Давай, – шептал Алекс, – покажи всем свое настоящее лицо.

Остальные волхвы лишь отводили взгляд. Синие глаза Александра сверкали гневом, однако он не поднимал руку на главу Совета. Мужчина завалился на спину, с улыбкой вытирая лицо рукавом. Ему было все равно, внутри зияла пустота. Катя мертва, больше нет смысла ни в чем, что происходило вокруг. Он поднялся, чувствуя, как знак на запястье становится прохладным, почти ледяным. Сжав руку в кулак, Александр поднес ее к губам и слегка коснулся. Разорванная плоть неприятно саднила, внутри белого волхва горела ярость и ненависть к себе, к Совету и ко всему миру.

– Вы так циничны, – произнес, еле стоя на ногах, – снаружи такие правильные. Волхвы. А внутри никчемные и жалкие.

Он плюнул под ноги верховному волхву. Александр был не таким крупным, как Ратибор, но молодость давала ему преимущество. Тот двинулся на него, в надежде снова утопить в пыли и ржавых листьях, покрывающих гнилой пол, но Алекс увернулся и нанес удар сзади. Его противник споткнулся о торчащую доску и рухнул вниз. Веслав присвистнул, но не вмешался.

– Погань, – продолжал Александр, – что сказали бы боги, увидев, как вы сидите в этой помойке, пока стервятники пируют на костях наших братьев и сестер? Ты винишь меня в ее смерти? Вашей вины не меньше.

С этими словами белый волхв вышел на холодный воздух и сел на крыльцо. Вечерело, небо становилось болезненно-серым. Радога подошла к Александру и тихонечко коснулась его плеча.

– Я могу исцелить тело, но не душу. Твоей вины тут нет, Александр, – мягко произнесла старая знахарка, – прекрати корить себя. Вижу, что ты пытаешься сделать. Не надо.

– Какая разница, что надо, а что не надо, – отозвался он, – я должен был быть там.

– И что бы это изменило? Этот взрыв устроили очень нехорошие люди. – сказала она, – ты бы погиб вместе с ней.

– Лучше бы так и случилось, – сказал белый волхв, – по крайней мере, боль бы прошла. А теперь она постоянно со мной.

– Я понимаю, вы все привязались к девочке, – вздохнула Радога, – но она теперь со своим богом, подле него. Нужно в это верить и жить дальше.

Александр усмехнулся наивности знахарки. Радога всегда была лучшей среди Совета, самой светлой и доброй, в чьем сердце не было места злomu умыслу и агрессии. Однако в самом волхве уже поселился гнев, который он даже не пытался подавить. Алекс чувствовал внутри силу Стрибога и лишь он один понимал, сколь разрушительной она может быть.

– Ты ищешь смерти, – сказала она, поднимаясь, – но в этом поиске я тебе не советчик.

Александр еще какое-то время посидел один, рассматривая кровавые следы на руке. Ребра ныли, все лицо начинало отекает от огромного количества синяков и ссадин. Что же сможет избавить его от страданий? Пожалуй, только смерть.

Сев в свой Туарег, волхв задумался. Он уничтожит каждого, кто причастен к взрыву храма. Нужно только немного подлатать себя. Конечно, удары Ратибора не могли нанести ему серьезных увечий. Синяки, да царапины, не более. Алекс горько усмехнулся. Пожалуй, в этом изгнанник был прав: волхвы изжили себя, превратились в живые памятники, вытесанные из камня. Катя не прижилась бы в этом гадком месте. Ударив по педали газа, быстро скрылся из поля зрения Совета.

– Словно крысы, прячетесь по подвалам, – процедил он.

Заглянув в бардачок, нащупал горлышко небольшой бутылки, которую не допил вчера. Касаясь ладонями пассажирского места, волхв вспомнил, как в последний раз обнял Катю, а затем его подхватили такие сладкие, но доставляющие еще более сильные страдания воспоминания о прошлой ночи. Мужчина помнил все в деталях: ее прерывистое дыхание и взгляд, настойчивый, требующий ласки. Впервые за долгую жизнь волхва женщина столь явно демонстрировала желание. Его захлестнула еще большая ярость, сметающая все преграды и барьеры, которые строил долгие годы.

Глоток за глотком, заполнял себя топливом, служившее катализатором растущего гнева. Алкоголь... он запретил себе пить, чтобы не терять равновесие, однако вчера нарушил правило. И теперь нарушает его вновь.

– Прости, – шептал волхв, – умоляю, прости меня.

Сам того не замечая, стремительно набирал скорость. Мимо мелькали окна, вывески, люди, смешивающиеся в единую светящуюся массу. Бутылка опустела, и он вышвырнул ее в окно. Весь мир прекратил существовать, все потеряло смысл. Только боль, только ненависть, только месть. Мужчина ехал к единственному в мире человеку, способному его понять.

Опьянение тихо растекалось по венам, но вызывало лишь агонию, не позволяя забыть все произошедшее, оправдать собственную роковую ошибку. Кто вообще говорит, что спиртное может что-то вылечить? Чужь собачья. Немного не доехав до границ города, он резко нажал на тормоз. На темном шоссе стоял Гром, держа что-то в зубах. Александр с трудом вывалился из машины и, держась за больной бок, подошел к псу. Как он здесь оказался? Животное было сильно ранено, но уверенно стояло на лапах. В месте левого уха запеклась кровь, из брюха торчал кусок арматуры, а в зубах Гром держал знакомую черную туфлю.

Волхв взял обувь и осмотрел. Вся замша пропиталась запекшейся кровью.

– Ты был там? – глухо спросил Алекс, – видел ее?

Пес залаял.

– Пытался предупредить?

Мимо пролетела машина, неистово сигналя. Гром направился в лес, уводя волхва за собой. Александр почувствовал новый прилив холода к саднящему запястью. Вокруг шумели деревья, поглощая всякого, кто в столь темный час решится ступить в их владения. Но вокруг он ощущал лишь пустоту, ведь леших уже давно извели. Люди уничтожали саму суть леса, вырубая его и тем самым лишая духов жилища, обрекая на мучительную гибель.

Александр сильно шатался: то ли от боли, то ли от опьянения. Пес медленно двигался в чашу, позволяя тьме и шепоту лесного воздуха захлестнуть их обоих. Алексу начинало казаться, словно сам ветер говорит с ним, принуждает двигаться дальше. Внезапно густая чаша расступилась и взору волхв открылись призрачные ворота. Они были небольшими, высотой метра два, почти прозрачные, словно колебания воздуха, искажающие пространство. Пес без раздумий прыгнул внутрь, волхв последовал его примеру. Если умрет там, то ему станет легче.

Внутри не произошло ничего необычного, по коже Александра лишь прошел небольшой ток, больше напоминающий поглаживание холодной руки. Он оказался в месте, которое поражаало великолепием и простотой одновременно. Пес сидел рядом, виляя хвостом, раны на его теле стремительно исцелялись. Александр обернулся, но врата уже исчезли. Все вокруг было искажено, словно волхв попал в зеркальное отражение. Голубая дымка покрывала небольшую тропинку, на которой он стоял. Неведомое, постоянно ускользающее ощущение одиночества парило вокруг, словно стая призрачных птиц. Пес двинулся по тропе, периодически оборачиваясь и глядя на Алекса почти человеческими глазами.

Извилистая и крошечная, тропинка вела его довольно долго. Вокруг шелестели деревья, а неподалёку шумела бурная река. Однако вся эта красота выглядела сотканной из тончайшей паутины. Каждое дерево, каждый листочек был столь хрупким, что казалось, будто даже малейшее прикосновение превратит его в пыль. Александр помнил это ощущение, ведь в детстве он уже бывал здесь. Собака привела его в Правь – мир богов.

Но сейчас здесь все изменилось: вместо яркого солнца светило лишь его призрачное подобие, а дорога, ведущая к главному терему, истончилась и стала еле заметной. Все вокруг напоминало лишь тень былого великого мира. Будучи ребенком, Александр попал сюда, когда впервые проявилась метка. Тогда он поразился яркости и буйству красок, которым был насыщен мир богов: не только лес, но реки, озера и великий терем Рода. Сейчас же живность вся исчезла, волхв по пути то и дело напарывался на призрачную паутину, опутывающую птичьи гнезда, пустые норки мелкого зверья. Неужели все настолько плохо?

Терем привел Алекса в полное замешательство. Он запомнил его высоким, теряющимся в облаках, играющим всеми цветами радуги под светом великого Хорса. Волхв поразился тому, что увидел. В детстве мать рассказывала им с сестрой сказку о колдуне по имени Кощей, который стремился найти врата в Правь и поработить всех здешних обитателей. Боги-воины встали на защиту родного мира и спустя годы кровопролитных битв наконец-то заперли его глубоко в Нави. Сварог лично выковал мощные кандалы, в которые заковали злодея, а Хорс озарил их солнечным светом, постоянно жгущим нечестивую плоть. Стрибог выдохнул, выпуская стремительно пляшущий вокруг темницы колдуна ураган. Если даже Кощей смог бы сломать оковы, то режущий ветер разорвал бы его на мелкие кусочки. Каждый бог славянского Пантеона отдал частицу своей силы, чтобы запечатать злобного колдуна.

Александр тогда представлял себя в роли любимого бога, как он одним дыханием закрывает все двери и окна, навсегда лишая врага возможности покинуть свою тюрьму.

И вот, величественный, наполненный жизнью и силой терем превратился в темницу. По-прежнему уходящий в небеса и пронзающий призрачные облака, чертог богов выглядел, словно могильник. Некогда свежие, искусно покрытые яркими узорами деревянные стены почернели, словно их пожрал огонь. Всегда открытые для путников, ворота терема покосились и покрылись белой вязкой паутиной. Вокруг витал запах смерти, разложения и скорби. Александр ускорился и быстро оказался прямо перед вратами. Чувство одиночества, которое щемило его на тропе, переросло в панику, страх и пустоту. Он судорожно оглядывался, затем рискнул подать голос:

– Эй!

Ответом служило лишь голодное эхо, пожирающее голос в длинных пустых коридорах. Но пес схватил его за штанину и потащил вперед. Главный зал, также полностью покрытый

паутиной, был практически лишен света. В центре пустовала большая круглая площадка, символизирующая солнце. Когда-то давно она была также наполнена светом и буквально сияла изнутри. Вырезанный прямо в полу огромный золотой коловорот, являвшийся источником силы для всей Правы, сейчас был покрыт сажей. Хорс больше не освещал величественный зал, позволив сумраку поселиться здесь. Вокруг на возвышении расположились семь тронов, которые в начале времен были вырезаны из великого Древа Рода. Их украшали элементы из кузни Сварога, выкованные богом-кузнецом и его духами огня. Каждый изображал стихию и силу бога Пантеона. Руны, плотно покрывавшие каждый трон, не сияли как прежде и выглядели тусклыми и безжизненными.

Внезапно воздух вокруг начал стучаться, на трех из семи тронов появились полупрозрачные фигуры. Александр почувствовал укол знака на руке. Он не мог поверить своим глазам: боги сидели перед ним, однако их состояние вызывало у волхва панику и жалость одновременно. Лишь тени самих себя, они склонили головы словно во сне. Александр с трудом различал их: Стрибог, Перун и Семаргл. Еще одна призрачная фигура появилась сзади, собака подошла к ней и уткнулась носом в маленькую ладонь.

– Ты пришел, волхв, – произнесла она и Александр узнал давно забытый голос.

– Мокошь, – выдохнул он и глубоко поклонился.

– Зачем эти поклоны и церемонии? – прогремел глава пантеона, слегка касаясь густой бороды.

Александр не мог поверить: некогда гордые, свободные и ведущие за собой людей, славянские боги представляли собой лишь унылые привидения. Волхв взглянул в глаза Стрибога и снова ощутил мороз на коже. Где же Сварог, Хорс, Дажьбог и Чернобог? Неужели они все мертвы? От этого осознания у Алекса свело живот.

– Зачем вы позвали меня? – спросил он, – чтобы показать, как низко пали?

Волхв не мог больше держать себя в руках. Эти существа, сломленные и покинутые, вызывали в нем жалость и презрение, как и Совет волхвов, продолжавший верить в то, что по сути уже являлось ничем.

– Ты зол, – сказал Стрибог, шелестя порывами ветерка вокруг массивной ладони, – именно поэтому мы отдали последние силы, чтобы привести тебя сюда.

– Зачем? – громче повторил свой вопрос Александр.

Волхв чувствовал, как ломается стержень внутри него. Этим стержнем была вера, что где-то в лучшем мире их боги ждут момента, чтобы вернуться и спасти свой народ. Где-то в самой глубине он надеялся, что и Катя где-то здесь. Рухнув на колени, он уперся ладонями в покрытый черной грязью пол, а в горле застрял крик отчаяния.

– Ты нам нужен, – прогремел Перун, – только ты слышишь наш зов.

– Что я могу сделать? – обреченно произнес Алекс, смахивая едва проявившуюся слезинку, – ведь все кончено.

– Ничего не кончено, пока бьется твое сердце, – резко произнес Стрибог и ветерок в его руке стал расширяться, превращаясь в маленький ураган, – ты – мой сын и в тебе есть сила.

– Навь стала шириться, – прошелестела Мокошь, поглаживая уютно расположившуюся у ее ног собаку, – и поглощать Правь. А потом доберется и до вашего мира.

– Но почему? Мара ведь...

– Мара больше не может сдерживать тени, – подал голос Семаргл, – ее силы на исходе, а Чернобог исчез.

Что? Чернобог пропал?

– После того, как он в гневе покинул нас, – сказал Перун устало, – он исчез в мире мертвых. Но Навь требует постоянного контроля и без хозяина она стала поглощать саму себя, а затем принялась за другие миры. Вечно голодная всепожирающая пасть.

– Чернобог исчез, а голодные тени почувствовали вседозволенность, – сказал Стрибог, – после того, как мы запечатали вас, внутри Пантеона началась грызня. Сварог так и не смог простить нашим детям убийства своей ведьмы. Он и Хорс отправились в Явь, чтобы остановить крещение, но потерпели неудачу. Оставшихся волхвов либо казнили, либо они сами себя порешили. Удалось спасти только вас восьмерых.

– Мы пожертвовали своими телами, чтобы сдержать мир мертвых, но силы на исходе. Пришлось закрыть врата нашего мира и сосредоточиться только на его защите. – сказала Мокошь, – поэтому мы все еще живы. Но нужно найти нашего младшего брата, где бы он ни был.

– Где Сварог и Хорс? – Александр не мог поверить своим ушам.

– Где-то здесь, в Прави. Теперь мы отрезаны от мира живых и больше не можем черпать оттуда силы, да и взять-то больше нечего. Наши братья даже несмотря на давнюю ссору отдают все силы на защиту терема Рода.

– Чернобог мертв? – спросил волхв, но его начинали терзать неприятные догадки.

Перун усмехнулся.

– Нет, он жив. Но мы не знаем, где искать, так как заперты тут. Нам нужны глаза в Яви, чтобы вернуть его и остановить Хаос.

– Вы думаете, это он виноват в...

– Нет! – громко произнес бог грома, – Чернобог молод и своенравен, но он предан нашему отцу и Пантеону, как никто другой. Разногласия и ссоры между нами всегда были вызваны лишь разницей методов, но мы оба хотели лишь одного – защитить своих детей.

– Что я могу сделать? – спросил Александр.

Мокошь подошла к нему, касаясь лица теплой рукой. Раны от стычки с Ратибором стали стремительно зарастать, а внутри разлилось тепло, словно его касалась родная мать. Сердце Александра защемило. Почему же все сложилось так неудачно? Тем временем Стрибог тоже подошел к белому волхву и коснулся знака на запястье.

– Ты силен, мой сын, – сказал он ровным, почти прозрачным голосом, – но сломлен. Тебя гложет страшное горе, чувство вины.

Александр молчал. Богиня продолжала мягко касаться его лица.

– Мы знаем о твоей потере. Велес передал нам весточку, – она коснулась взглядом грызущего лапу Грома, – к сожалению, мы не могли помочь...

– Скажите хотя бы, чей на ней знак, – еле слышно прошептал Александр.

– Мы не знаем, – сказал Стрибог, и в голосе бога прозвучала едва уловимая досада, – сейчас мы не можем ничем помочь. Смерть ведьмы – это лишь роковая случайность.

– Поэтому не было знака, – прогремел Перун, – мы отрезаны от Яви и даже не знали о рождении особенного ребенка и не могли защитить ее. Но мы все еще можем вернуть часть своей силы, если ты нам поможешь.

Стрибог выдохнул, и полупрозрачная энергия вошла в знак на запястье Александра. Руку неприятно защипало, и волхв сморщился.

– Это вся оставшаяся сила, – сказал бог, – все, что у меня есть сейчас. Помни, что ветер может не только ласкать кожу в знойный день, но и резать плоть твоего врага не хуже меча или кинжала. Найди Чернобога, верни его в Пантеон и тогда мы сможем сохранить баланс Трех Миров.

Последняя фраза звучала жестко, Стрибог не принимал отказа. Александр поклонился.

– Хорошо.

– Есть еще кое-что, – сказала Мокошь, – волхвы ослабли, потеряли веру. Увы, но возлюбленный Ратибор не справился с возложенной ответственностью. Ты должен возглавить Совет. Ты сияешь ярче всех, Александр.

– Я не лидер, – сказал Алекс, – я не смогу удержать и тем более вселить в них веру.

– Загляни внутрь себя, – шелестела богиня, – и ты откроешь множество спрятанных талантов.

Ее голос, как и все вокруг стал резко удаляться, превращаясь на глазах из реального мира в акварельный рисунок. Затем последовала яркая вспышка. Нет, у него еще столько вопросов! Александр открыл глаза, лежа рядом со своей машиной. Он чувствовал, как влажный теплый язык касается его щеки. Гром? Пес приветливо вилял хвостом. Что же ему теперь делать? Волхв встал, отряхнулся и взглянул на руку. Знак Стрибога стал ярче, сильнее врезался в кожу и сильно болел. Мужчина с трудом сгибал и разгибал пальцы. Катя... он затушил нахлынувшую ярость. К скорби он вернется позже, а сейчас у белого волхва появилось важное дело.

Глава 3

– Алекс, это же самоубийство! – Аня мерила небольшими шагами кухню избы старого шамана, – думаешь, он станет помогать?

– Каин Вуд, конечно, заноза, какую поискать, – сказал белый волхв, – но, думаю, смогу с ним договориться.

– Не слишком ли ты самоуверен, друг? – спросил Чуку, помешивая уже остывший чай.

Все трое помолчали, каждый думал о своем. Александр гнал скорбь и мысли об умершей ведьме, а вот шаман не скрывал грусти. Его печальные глаза рассеянно наблюдали за серебряной ложкой, которая уютно покоилась в руке. Аня же обдумывала свои аргументы против идеи Алекса.

– Он убьет тебя, если ты просто так заявишься. Он волхвов ненавидит, – наконец выпалила она, – ты уверен, что справишься, если что?

– Он потерял свои способности, – сказал Александр, – если придется говорить с позиции силы, я это сделаю. На кону судьба Трех Миров. Каким бы плохим человеком Вуд ни был, вряд ли он откажется спасти собственное благополучие.

– Весьма шаткая позиция, – уверенно сказала девушка, – может, сами поищем Чернобога?

– Ты его по кустам собралась искать, егоза? – спросил Чуку, – Александр, я не одобряю твое решение, но если нет иного выхода, то ладно.

– Увы, – сказал Алекс, – сейчас только Каин Вуд способен нам помочь.

Все это время Гром безмятежно грыз лапу. Когда Александр вернулся к шаману прошлым вечером, пес был рядом и не покидал избы до утра. Белому волхву потребовалась вся ночь, чтобы обдумать услышанное от богов и решить, что делать дальше. На Совет он больше не мог рассчитывать, поэтому все, что оставалось, это выбирать из двух зол. В этой ситуации меньшим злом являлся Каин Вуд.

Александр встал из-за стола и направился к выходу. Оглянувшись, он посмотрел на спальню, где все еще лежала небольшая часть вещей Кати. Волхв не заметил, как сзади подошел шаман и положил теплую руку на его плечо.

– Не слишком ли ты быстро взялся за столь важное дело? – тихо спросил Чуку, – не дал себе время свыкнуться с потерей.

– Какой смысл в скорби? – спросил Алекс, – этим я ее не верну. А если найду Чернобога, может хотя бы ее душа сможет обрести покой. Она же была ведьмой.

– Об этом я и говорю. Каждый должен примириться, у кого-то уходит месяц, а у кого-то – год. Ты сейчас неадекватен, Александр. Я вижу в твоих глазах печаль, а еще ярче – вину.

– Ты решил прочитать мне мораль? – горько улыбнулся белый волхв, прислоняясь спиной к теплому дереву стены, – не надо, я уже вырос из этого.

– Тогда почему ты второй день избегаешь этой комнаты? – Чуку подошел и тихо отворил дверь.

Солнечные лучи из открытой спальни проникли в сумрак коридора, оставляя на полу яркий след. Сердце волхва сжалось, он был готов выть от горя.

– Ты запретил себе думать о ней, – продолжал шаман, – но твоей вины тут нет. Она сама решила поехать туда, ты не мог знать о готовящемся нападении.

– Нужно было просто запереть ее в доме, – Алекс сильно сжал кулак, впиваясь ногтями в кожу и со всей силы ударил по стене.

– Это методы изгнанника, не твои, – Чуку говорил спокойным, но печальным тоном, – ты дал ей выбор, а она просто не могла поступить иначе, ведь погибли ее близкие друзья.

Еще пара слов и белый волхв не смог бы больше сдерживать себя. Разъяренный, словно раненый бык, он выскочил на улицу под ледяное дыхание ветра. Лишь оно могло ненадолго унять ноющую боль внутри. Дойдя до машины, он даже не обернулся. Чуку должен был понять, а не сыпать соль на свежую рану. Он пока просто не мог думать о Кате, это было слишком больно. Через час с лишним его белый внедорожник припарковался напротив ветхой многоэтажки. Александр постарался поставить приметный автомобиль как можно дальше от нужного подъезда. К его счастью, на улице поднялся сильный ветер, пошел морозящий дождь и людей практически не было. Какова вероятность, что она сейчас дома?

Быстро поднявшись на нужный этаж, мужчина нажал на звонок. Спустя короткое время дверь приоткрылась и в проеме показались родные синие глаза.

– Брат? – удивленно спросила Ева и скривилась, – зачем ты явился сюда?

Александр молчал, его голова шумела, словно после знатной попойки. Девушка открыла дверь и впустила его. Прямо в обуви волхв прошел в единственную жилую комнату. Судя по небрежно застеленному матрасу и выключенному компьютеру, девушка только что встала. Алекс сел на импровизированное спальное место.

– Ты очень плохо выглядишь, – сдержанно сказала она, – сделать тебе кофе?

Несмотря на то, что близнецы были по разные стороны, их все равно постоянно тянуло друг другу. Александр не мог провести и дня без мыслей о сестре, а Ева всячески пыталась подавить светлые воспоминания и тоску по своему брату. Пока он собирался с мыслями, девушка сварила крепкий кофе и разлила по кружкам.

– Когда-то только мой кофе мог привести тебя в норму, – сказала она и вручила горячий напиток брату.

Случайно коснувшись его руки, Ева, словно ошпаренная, одернула ее и сжала в кулак. Ей тяжело давалось каждое слово, ведь в последнюю встречу они снова поругались, вернее, еще четче обозначили различия своих позиций.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал Александр.

– А я уж подумала, что соскучился, – ехидно сказала девушка, присаживаясь на достаточном расстоянии от брата.

Александр заметил это и усмехнулся:

– Я не ругаться приехал, Яра.

Ева закусила губу. Он всегда называл ее настоящим именем и это разрывало сердце в клочья. Родной брат и одновременно почти враг – как такое вообще возможно? Они ведь с детства были не разлей вода.

– Чего ты хочешь? – сухо спросила она.

– Организуй мне встречу с Каином Вудом.

Брови Евы поползли вверх от неожиданности. Александр и Каин Вуд в одном помещении? Ей казалось, что более взрывоопасную смесь сложно было представить.

– Зачем?

– Это личное, – отозвался Алекс.

Кофе и правда помогал, головная боль проходила, и волхв наконец-то смог собрать мысли в более-менее устойчивую конструкцию

– Это из-за ведьмы? – спросила Ева, и яростный огонек заиграл в больших синих глазах девушки, – она была в том храме?

– Так ты уже в курсе?

Конечно, ведь информационное пространство – это ее жизнь. Она узнала о взрыве спустя десять минут после того, как он произошел. Но девушка не знала, что ведьма была там, ведь в списках погибших она ее не видела, да и не искала, честно говоря. Ева не была удивлена, что брат отпустил ведьму на похороны, ведь он просто не мог поступить иначе. Она решила, что все вопросы лучше оставить при себе.

– Вся страна в курсе, – уклончиво ответила сестра волхва, – но я не думаю, что Каин согласится на встречу.

Внезапно ее смартфон завибрировал. Мимолетом взглянув на экран, Ева быстро взяла трубку.

– Да, Мухорт. Чего надо?

– ...

– Хватит меня так называть! Зачем?

Глаза Евы округлились, она с трудом смогла сдержать нахлынувшие эмоции. Она поднялась и подошла к окну. Александр не слышал ни слова из того, что говорил в трубку колдун, но это точно было что-то важное и неожиданное. Она бросила короткий взгляд на брата, затем снова отвернулась.

– Как он это провернул? И почему я?

– ...

– Я поняла. Дай ему трубку.

Все это время Ева судорожно теребила низ майки. Александр редко видел, чтобы она волновалась, но этот телефонный разговор явно нервировал сестру.

– Каин... ладно... я все сделаю. Слушай, мой брат хочет встретиться, говорит, что по важному делу. Так просто? Ладно, когда? Поняла.

Положив трубку, девушка еще некоторое время смотрела в одну точку. Александр терпеливо ждал, пока его сестра придет в себя.

– В общем, он через час будет в «Венефике». Сказал, что ты можешь приехать.

– Спасибо тебе, – тихо произнес волхв и уже собрался было уйти, как Ева подошла и села рядом с ним.

– Ты скучаешь по ней? – внезапно спросила она.

– Яра, я не думаю...

– Отвечай! – громко сказала она, – ты... ты влюбился в нее?

Александр взглянул на сестру, а она внимательно наблюдала за ним. Внутри волхва вспышкой пронеслось воспоминание, затем быстро погасло. Он и она. Такие родные, близкие. Единственные друг у друга. Сестра всегда доверяла ему, как себе. А он – ей. В какой момент всё пошло наперекосяк?

– Дело не в моих чувствах, Яра, – сказал Алекс, как можно тщательнее подбирая слова, – это огромная потеря для всех нас.

– Зачем ты врешь? Я – твоя сестра и вижу, как ты измотан и страдаешь, – на глазах девушки появились слезы, – зачем ты идешь к Вуду? Он вывернет твою душу наизнанку, растопчет и превратит в пыль.

– Я не так слаб, как ты думаешь, – усмехнулся Алекс, понимая, что изгнаннику нет равных в психологических манипуляциях.

Она села рядом с братом и обняла за шею. Такие порывы происходили крайне редко, обычно Ева умела держать себя в руках. Но вместо того, чтобы оттолкнуть ее, волхв сильнее прижался к сестре. Ее дыхание успокаивало его, возвращало хрупкий мир в его израненное сердце. Он прижался губами к её прохладному лбу. Яра всегда возвращала ему равновесие.

«Проклятые близнецы»

Да, именно так их называли в родной деревне. Ведь в мир, созданный ими двоими, не было пути никому постороннему.

Так они сидели некоторое время. Пытаясь поймать хотя бы толику былой душевной близости. Ведь близнецы всегда вместе. Всегда на одной волне. И даже сейчас они черпали силу друг в друге.

– Давай убежим, – вдруг произнесла Ева, – исчезнем. Будем жить как раньше. Скитаться, путешествовать. Мне тяжело без тебя, братец. Словно сердце разорвали пополам.

Александр глубоко вздохнул. Он бы и рад. Но теперь у белого волхва есть миссия.

– Яра, нет. Мы решили, что осядем и будем строить свои жизни. Искать смысл.

– Это ты решил! – выпалила она, – за нас обоих. Как и тогда, бросил меня ради служения Пантеону! Но ведь ближе меня у тебя нет никого! Ты мой брат и я люблю тебя!

– Я тоже тебя люблю, – сказал он, потрепал её мягкую белую шевелюру, – но мы по разные стороны, Яра.

– Присоединяйся ко мне! Переходи на правильную сторону, Алекс! – она умоляюще смотрела на близнеца.

– Я не могу, как ты не понимаешь? Идеи Каина Вуда для меня неприемлемы, – серьезно сказал волхв, отстраняясь, – лучше будет, если ты пойдешь за мной. Я попрошу богов о снисхождении и...

Ева поднялась и холодно взглянула на брата. Она обладала удивительной способностью мгновенно брать себя в руки и спустя секунду снова выглядела, как неприступная скала. Медленно развернувшись, девушка нагнулась, доставая «близнецов» из ножен. Она медленно провела языком по острому лезвию.

– Тогда уходи, братец. Надеюсь, Каин выбьет из тебя всю дурь.

Глава 4

Добравшись до центра города, Александр на протяжении долгого времени смотрел на тусклую вывеску клуба «Venefica». Сейчас она выглядела серой и невзрачной, как и все здания в это время года, но по ночам неоновые буквы будто оживали и плясали яркими огнями. Поведение сестры не удивило его, ведь Яра все еще была ребенком. Сейчас он был даже рад, что они расстались именно так, ведь их отношения были куда глубже, чем просто привязанность брата и сестры и Александр знал, что Яра испытывает к нему вовсе не сестринские чувства. Нужно было пресечь их в самом начале, но у него не хватило воли этого сделать. Он привык потакать всем ее капризам, особенно после смерти родителей. Да что отрицать, Александр сам всё это начал. Ладно, пора решать насущные вопросы.

Войдя в здание, волхв удивился, что никого из персонала заведения нет на месте. Пройдя через холл, вошел в черную железную дверь и оказался в основной части клуба. Первым делом он увидел полностью разбитую длинную барную стойку. С пола убрали осколки стекла, но все внутреннее убранство было практически уничтожено. Барные стулья свалили в углу в большую кучу, у части были отломаны ножки, другие же – разорваны или сильно поцарапаны. Клуб ограбили? У кого бы хватило решимости сделать такое?

Волхв тут и раньше бывал, однако в последние годы Вуд существенно расширил свои владения, так что Александр с трудом вспомнил направление, в котором располагался кабинет изгнанника. Поднявшись на второй этаж, он прошел по тускло освещенному коридору и вошел в приоткрытую дверь.

Каин Вуд стоял спиной к нему, глядя в окно. В пальцах изгнанник крутил сигарету.

– Я уж думал, что ты решил заночевать в машине, – глухо сказал он, не поворачиваясь, – белый волхв.

Александр сделал два шага вперед и остановился. Вуд еще некоторое время продолжал разглядывать улицу, которая постепенно заполнялась плотной дымкой от моросящего дождя.

– Каин, – сдержанно сказал Александр, приветствуя своего врага, – я здесь не просто так.

– Ну конечно, – изгнанник быстро развернулся и сел за стол, откинувшись в большом кресле, – Честно говоря, не ожидал, что ты решишься явиться сюда.

– Я тебя не боюсь, – сказал Александр, чувствуя, как знак Стрибога начинает холодить запястье, – но пришел с миром.

– С миром, – усмехнулся тот.

Они смотрели друг на друга и между двумя мужчинами будто медленно формировалась грозовая туча. Каждый мускул Алекса был напряжен, волхв ожидал удара откуда угодно. Вуд выглядел в меру расслабленным, но единственным глазом внимательно следил за Александром. Конечно, это его территория и изгнанник может себе позволить задавать тон разговора, но он лишь молча глядел на своего гостя.

– Ну так чего ты хочешь? – спросил Каин, – не просто же так просил о встрече?

Улыбка все время не покидала лица изгнанника.

– Мне нужна твоя помощь, темный волхв, – сказал Александр, – я должен найти Чернобога.

Каин окатил гостя презрительным взглядом.

– Ну так ищи, – сказал он, зажигая сигарету и поднося ее к губам, – чего ты хочешь от меня?

– Ты знаешь, чего, – Александр начинал терять терпение, – только ты связан с серой Навью. А он может быть там.

– То есть, Пантеон потерял бога? – Вуд расхохотался, – как неожиданно.

Волхв с трудом держал себя в руках. На кону баланс Трех Миров, а Каин лишь смеется? Алекс был о нем лучшего мнения. Тем временем изгнанник встал, обошел стол и вплотную приблизился к нему. Знак на запястье стал неприятно ныть. Сила, данная Стрибогом будто пыталась вырваться из тела.

– Тебе нужна моя помощь, – Каин будто смаковал каждое слово, – но чем ты готов за нее заплатить?

– Ты знаешь, где Чернобог? – сурово спросил Алекс.

– Возможно, – уклончиво ответил Вуд, – но с чего ты взял, что я расскажу об этом тебе?

Каин взглянул белому волхву прямо в глаза. Этот взгляд практически невозможно было выдержать, Александр ощущал его на себе, словно ползущее насекомое, забирающееся под кожу, пробирающееся в душу и копающееся в памяти. Изгнанник испытывал его, и Алекс знал, что опускать глаза ни в коем случае нельзя. Закончив оценивать соперника, Каин Вуд прошептал:

– Я могу помочь тебе, белый волхв, – а спустя пару секунд добавил, – но не хочу этого делать.

Затем изгнанник развернулся и быстрым шагом вернулся на рабочее место. Расслабленная улыбка сменилась жесткой ухмылкой. Сигаретный дым постепенно заполнял кабинет. Почувствовав его, Алекс сморщился в отвращении, сам ни разу не брал в руку сигарету. Он собрался с духом и произнес:

– Какие твои условия?

– Вот это другой разговор, – довольно произнес Вуд, – а что ты можешь предложить? Или ты явился ко мне просто так? Как похоже на Совет волхвов. Думаете, что все вам должны. Во имя какого-то вам одним понятного мира.

– Я пришел по своей воле и по воле Пантеона. Давай, назови свою цену, изгнанник – сказал Александр, приближаясь к рабочему месту Вуда и касаясь ладонями прохладного дерева.

Расстояние между ними не превышало метра, и чем ближе эти двое были друг к другу, тем более тяжелой становилась обстановка. Воздух вокруг будто искрил от напряжения.

– Моя цена – ты, – сказал Каин, – присоединись ко мне и тогда я помогу отыскать Чернобога.

Александр не поверил своим ушам. В тот момент в душе боролись два чувства: желание помочь богам и презрение к методам Каина Вуда. Но белый волхв просто не мог переступить через себя, даже ради мира на своей земле.

– Нет, – сказал он жестко, – я никогда не стану твоим цепным псом, Вуд.

– Тогда уходи, – будничным тоном сказал Каин, – как я вижу, опыт общения с существами мира мертвых у тебя есть, так что ты и сам сможешь еще раз посмотреть в Навь, чтобы отыскать того, кто тебе нужен.

Взгляд изгнанника упал на руку волхва, отмеченную миром теней. Александр разочарованно взглянул на Каина. Он был уверен, что ему удастся уговорить Вуда, но тот просит слишком высокую цену. Неужели этот человек настолько циничен, что готов ради призрачной выгоды пожертвовать всем миром? Развернувшись, белый волхв уже было собрался уйти, но Вуд задал свой последний вопрос:

– Как там маленькая ведьмочка?

Алекс остановился и медленно повернулся к изгнаннику. Тот серьезно смотрел на него, в изумрудных глазах не было и тени бывшего сарказма. Александр сжал кулаки, всеми силами удерживая внутри стремительно растущий гнев. Изгнанник специально ждал удобного момента, чтобы ударить побольнее.

– Ты же не пустил ее на похороны Ильиных, правда? Я, к сожалению, на них не попал.

Снова эта садистская улыбка. У волхва чесались руки стереть гадкую ухмылку с лица Каина Вуда. Изгнанник не мог не знать о взрыве, а также не мог не знать о том, почему Катя

поехала на церемонию прощания. Но каждый вопрос словно вонзал острое лезвие в душу белого волхва, еще сильнее расковыривая и так кровоточащую рану.

– Или малышка Катя поехала туда с твоего молчаливого согласия и осталась там навеки? – улыбка изгнанника стала шире.

Они продолжали смотреть друг на друга, Александр чувствовал, как внутри нарастает желание применить новообретенную силу. Каин Вуд умеет читать людей, прекрасно знает о смерти ведьмы и это дает ему полный карт-бланш. Спустя миг белый волхв яростно обрушил на крепкое дерево всю силу своих кулаков. Раздался глухой скрип и по самому центру пошла глубокая трещина. Каин не двигался, лишь наблюдал.

– Ты можешь все тут разрушить, но легче не станет, – вкрадчиво сказал изгнанник, – будешь жить с этим чувством, пока смерть сама тебя не найдет. Я чувствую его, ты буквально источаешь тонкий аромат вины.

Алекс попытался достать до Вуда, но спустя миг тот оказался за его спиной. Как? Каин стоял сзади, даже не доставая рук из карманов, а его лицо озаряла довольная улыбка. Алекс нанес два удара с разворота подряд, но изгнанник легко от них уклонился. Внутри волхва кипела ярость, которую он не мог сдерживать.

– Ты не смог спасти свою семью, – продолжал Вуд, избегая любого удара белого волхва, – не смог удержать и защитить свою сестренку, а теперь отпустил ведьму прямо в пасть к смерти.

Удар, второй, третий – все мимо. Как изгнанник так ловко уворачивается от его ударов и почему не нападает в ответ?

– Бедная девочка, – покачал головой Вуд, когда Алекс, запыхавшись, прекратил попытки задеть его, – она так тебе доверяла. Спаситель, защитник, сильное плечо. Мне ее даже жаль.

Александр почувствовал себя опустошенным. Внутри не осталось живого места, все сердце было изувечено острыми словами изгнанника, потому что волхв понимал: Каин Вуд прав. Алекс упал на колени и закрыл лицо руками. Все то, что он скрывал в эти дни, было готово вырваться. Но волхв не мог себе этого позволить, должен был любым способом удерживать себя. Не перед Вудом. Никогда! В ярости он совершил последний выпад, его руку словно направлял сам ветер. Но даже сила Стрибога не смогла задеть изгнанника. Тот парировал его удар, снова оказавшись за его спиной и ударил волхва ногой по коленям.

Александр не удержался и рухнул на пол. Вуд присел на корточки напротив него.

– Тебе не убить меня, белый волхв, – сказал он серьезно, без тени насмешки, – даже с жалкими остатками силы Стрибога. Ты даже задеть меня не сможешь.

Александр чувствовал, как темная, гадкая сущность подползает к его горлу и опутывает шею. В следующий миг его пронзила острая боль, волхв начал задыхаться, а перед глазами все поплыло. Постепенно тело опутывало что-то крепкое, тонкое и острое, словно стальная проволока. Он пытался схватить тень, но лишь царапал ногтями кожу горла. Вуд поднялся и тень потянула Алекса вверх. Волхв со стоном был вынужден встать на ноги. Он все еще яростно пытался освободиться, но в итоге призрачные нити все сильнее стягивали его тело. Затем они буквально подвесили его над полом. Воздух кончился, волхв почувствовал ледяное прикосновение смерти. Неужели это конец? Неужели Аня была права и изгнанник, не моргнув глазом, убьет его?

Однако это была лишь демонстрация. По приказу Каина тень держала белого волхва лишь несколько секунд, которые тому показались вечностью. Когда Вуд дал сигнал, она нехотя отпустила Александра, роняя тяжелое тело на пол. Ошарашенными, полными непонимания глазами он глядел на врага. Неужели изгнанник вернул свою силу? Но как?

– Почему ты не убил меня? – спросил Алекс, судорожно хватая ртом спасительный воздух и касаясь пальцами исцарапанной шеи.

Каин отошел и стал осматривать свой стол, как ни в чем не бывало.

– Между прочим он стоит дороже твоей машины, – сказал он, трогая трещину, которую оставил Александр, – неужели так сложно разговаривать, а не махать кулаками?

– Почему ты не убил меня? – прорычал Александр, с трудом поднимаясь, – отвечай!

– А ты и сам прекрасно справишься, – сказал изгнанник, – я мог дать тебе шанс на нормальную жизнь, но ты отказался. Твоей силе можно найти достойное применение. Был бы рядом со своей сестрой, не корчил бы героя.

– Заткнись, Вуд, – сказал Алекс, садясь в кресло напротив изгнанника, все еще пытаясь выровнять дыхание.

Вся его ненависть куда-то исчезла, освободив место холодной безысходности. В конце концов, Катя погибла по его вине, чего отрицать. Можно злиться на Каина Вуда, на Совет, но вина белого волхва была в разы больше остальных. Каин тем временем посмотрел в окно и присвистнул.

– А за тебя взялись, как я погляжу.

Александр подошел к изгнаннику и увидел, как белый Туарег осматривают полицейские, сверяясь с какими-то бумагами. Что за ерунда?

– На тебя есть наводка, – сказал Вуд, затем порывшись в ящике стола, достал ключи от машины и протянул Александру.

– Зачем ты это делаешь? – волхв никак не мог понять мотивов Каина, поведение изгнанника никак не укладывалось в голове.

– Кое-кто расстроится, если тебя посадят, – отозвался он, – это ключи от моего Пассата. Он стоит во внутреннем дворе. Тебе стоит сменить машину и окружение, белый волхв. Грядут темные времена.

Александру на секунду показалось, будто во взгляде изгнанника мелькнула едва уловимая печаль. Он нехотя взял ключи в руки и спрятал в карман.

– Что ты такое, Вуд? – спросил волхв, – пять минут назад ты был готов меня убить, а сейчас помогаешь.

Каин усмехнулся, глядя куда-то вдаль.

– Если бы хотел, я бы убил, – произнес он, – но не пойми неправильно, мои условия останутся неизменными. Подумай над этим.

Алекс кивнул и вышел из кабинета изгнанника, поглощенный противоречивыми чувствами. Черный «Passat» и правда стоял рядом с аварийным выходом, в небольшом переулке за клубом. Александр сначала мялся, затем открыл дверь машины. Приятный аромат свежей кожи немного расслабил волхва. Включив радио, он стал пролистывать новостные каналы.

«... вы правда думаете, что теперь будут хватать даже не причастных к взрыву?»

– конечно, это заявление главы РПЦ взбаламутило неслабую такую волну. Он призвал сажать людей без суда и следствия...»

Волхв непонимающе постучал пальцами по кожаному рулю, затем достал телефон и нашел заявление, о котором упоминали в новостях. Прочитав полностью речь патриарха, он взглянул на знак Стрибога на запястье. Вуд говорил об этом? Что же, теперь они окончательно вне закона. Сорвавшись с места, белый волхв направился к шаману.

Глава 5

Муратов и Быстров работали в связке уже семь лет. За это время старший следователь проникся уважением к своему напарнику, и научился ему доверять, но в последние дни все перевернулось с ног на голову. Мужчине казалось, что все вокруг что-то скрывают. Он точно был уверен, что тот мужчина на белой машине связан с пропажей Кати, а еще ему не давал покоя Каин Вуд, который раздражал Муратова на генетическом уровне. Он терпеть не мог напыщенных богатеев, которые думали, что им все сойдет с рук лишь потому, что у них жирные счета в иностранных банках.

Выступление патриарха здорово помогло, они сразу смогли дать ориентировку на белый «Туарег» и его владельца. Быстров сопел напротив напарника, глядя на него исподлобья. Конечно, Никита не одобрял решений Муратова, но тому было все равно. Алексей старался не думать о Кате и о том, где она, поскольку такие мысли сбивали с основной задачи. Ее сумочка ждала в машине, ведь он так и не сдал ее с остальными уликами. Быстров видел, как его напарник бросил ее в бардачок, но ничего не сказал.

– Ты плохо выглядишь, Лех, – отозвался Никита, – может, возьмешь выходной? Я тебе сообщу, если что наклонится.

– Нет, – отрезал старший следователь, – когда его найдут, я лично буду с ним беседовать. А пока займусь...

Его внимание привлек майор Ткачев, который прошел по коридору в сопровождении весьма странного молодого человека невысокого роста. Темноволосый, с правильными чертами лица, одетый дорого, но небрежно, он сразу вызвал у Муратова подозрение. Когда оба скрылись за дверью кабинета майора, Алексей поспешил к большому копировальному аппарату, стоящему у стенки совсем рядом. Мужчина не ошибся: Ткачев, как всегда, плохо закрыл дверь и подойдя достаточно близко, весь разговор можно было услышать. Притворившись, что делает копии документов, Муратов наострил уши.

– Я рад, что вы нашли время принять меня, – сказал странный человек вкрадчивым голосом, – господин Вуд это очень ценит, поскольку вопрос весьма щекотливый.

Ткачев некоторое время молчал, и Алексей понял, что майор нервничает. Обычно он говорил четко, понятно и никогда не тратил больше секунды на подбор нужного слова, сейчас же прошло не менее десяти. Мимо прошла стайка девушек в форме, одна из которых странно покосилась на Алексея. Это была Людмила – медсестра из отдела фельдшеров, которую уже многократно приглашал на свидание Быстров, но она оказалась ему не по зубам, и в итоге напарник Муратова прекратил все попытки.

– Добрый день, Алексей, – с улыбкой сказала она, глазами указывая на ксерокс и кипу документов в его руках, – все стоите на страже закона?

Девушки из ее группы захихикали, чем вызвали раздражение у следователя. Ну почему они подошли именно сейчас? Ткачев тем временем что-то монотонно говорил, но Муратов уже не слышал.

– Люда, здравствуйте, – сдержанно сказал он, натягивая вымученную улыбку и страдальчески глядя на ксерокс, – настоящая зараза. Вы что-то хотели?

– Да нет, – сказала она, – просто подошла поздороваться. Вы плохо выглядите, стоит больше спать и меньше гоняться за негодяями. У вас мешки размером с яблоко и глаза красные от долгого сидения перед монитором. Берегите себя.

Людмила была самой красивой девушкой отделения. Стройная, среднего роста, с блестящими каштановыми волосами и карими глазами, она вызывала симпатию у всего следственного отдела. Но сейчас Муратов сильно скучал по своей девушке. Катя казалась в разы краси-

вее любой женщины. В этот миг он испытал прилив злобы, что на месте Людмилы сейчас не она, но быстро взял себя в руки, продолжая по-дурацки улыбаться.

– Ну мы пойдем, – сказала девушка, – передавайте привет напарнику.

Как только они отошли на безопасное расстояние, Муратов выругался себе под нос. Как много он пропустил? Продолжая симулировать активную деятельность, следовательно снова прислушался.

– Мы понимаем, – говорил незнакомец, – но господин Вуд бы не хотел быть хоть как-нибудь причастным к этой неприятной истории. Просто эта девушка была ему дорога и он не хочет, чтобы ее имя полоскали во всяких желтых СМИ.

– Я все понимаю, но он сам мог бы...

– Нет, к сожалению, этого мы тоже не можем позволить, – голос незнакомца напоминал звон стали, – надеюсь, вы понимаете, что нынешняя ситуация может неблагоприятно отразиться на ведении бизнеса и наших прибылях.

– Я понимаю, но... – почти испуганным тоном произнес майор, – есть процедуры.

– Господин Вуд своими глазами видел тело девушки, – голос стал звучать более жестко и властно, – или вы не доверяете его глазам?

– О ком они говорят? – подумал Муратов, – неужели о ней?

– Я ему всецело доверяю, – сказал Ткачев нервно, – его поддержка наших инициатив, несомненно, очень важна. Но он не мог ошибиться? Ситуация была весьма опасная, если не сказать – критическая. Он мог перепутать жертву с кем-нибудь другим и в таком случае, если девушка жива, то...

– Но ведь ее единственную не нашли в обломках здания, – сухо перебил его незнакомец, – и тело было обнаружено как раз с левой стороны под завалами. По словам свидетелей, она незадолго до взрыва вышла на улицу, поэтому резонно предположить, что спасатели не сразу ее обнаружили. Вы уверены, что столь маленькое создание смогло бы уйти самостоятельно достаточно далеко, чтобы ее не нашла группа профессиональных спасателей? А может быть, вы ее и не искали вовсе? Не думаю, что такая ситуация устроит общественность.

– У меня работа такая – сомневаться во всем, – вздохнул Ткачев, – вы слишком хорошо осведомлены для того, кто является простым ассистентом.

– У меня работа такая – заботиться о благополучии моего нанимателя, – парировал тот, – ну так что, мы договорились?

– Да, передайте господину Вуду, что опознание пройдет без проблем. Для нас самих важно поскорее закрыть это дело.

– У вас есть информация о ее родственниках, близких?

– Девушка – круглая сирота, – сказал майор, – ее опознать сможет только один из наших следователей, который с ней встречался долгое время. Леша Муратов. При отсутствии родственников этого должно быть достаточно.

– Да вы что? Это хорошо, – оживился незнакомец, – что ж, мне пора. Я надеюсь, мы с вами друг друга поняли.

Муратов стоял спиной и делал вид, что просто листает документы. Незнакомец вышел, хлопнула дверь кабинета, следователь затылком почувствовал, что тот остановился позади и изучает его взглядом.

– Было интересно, старший следователь Муратов? – спросил незнакомец.

– Что Каин Вуд затевает? – злобно процедил Алексей, сжимая в руках бесполезные бумажки и резко разворачиваясь.

– Совсем ничего, – ослепительно улыбнулся мужчина, – просто помогает по мере сил.

Несмотря на привлекательную внешность, незнакомец вызывал в Муратове почти животный ужас. Он с трудом подавил внутри желание убежать и спрятаться. Это странно, ведь раньше Алексей запросто справлялся с подобными высокомерными типами.

– Я очень сочувствую вашей утрате, – продолжал помощник Вуда, – вы и Екатерина были ведь достаточно близки?

– Это вас не касается, – отрезал Алексей, выбрасывая бумаги в мусорное ведро, – ни вас, ни Каина Вуда.

Незнакомец усмехнулся и направился было к выходу, но вдруг развернулся и громко произнес:

– Берегите себя, Алексей. Спокойная и размеренная жизнь – это большая ценность.

Спустя час Ткачев вызвал его к себе в кабинет.

– Леша, недавно мы нашли тело девушки, сильно похожей на Екатерину Арефьеву. Нужно, чтобы ты поставил свою подпись в листе опознания.

Муратов никогда не был дураком, поэтому мгновенно связал приезд представителя Вуда и просьбу начальства, но решил этого не показывать. Он привык доверять себе, а чуть подсказывало: Катя жива.

– Вы точно уверены, что это она? – он старался говорить максимально отстраненно.

– Ее тело сразу не нашли, потому что она вышла из храма до окончания церемонии, – сказал майор, – я понимаю, что для тебя это может быть тяжело, но сделать нужно. Поставь подпись и можешь взять отпуск. Тебе явно нужен отдых.

Муратов уверенно шагал по зданию центральной городской больницы, отстукивая четкий ритм каблуками дешевых туфель. Его путь лежал через прямой, как струна, коридор, освещенный тусклыми лампами дневного света. Он покинул рабочее место и направился по адресу, присланному майором. Мужчина точно знал, что найденное тело не принадлежит Кате. Но в чем здесь выгода Каина Вуда? Почему ему так важно убедить всех в том, что она мертва?

Следователь ненавидел больницы с самого детства. Они напоминали о практически ежедневных визитах к умирающему от рака отцу. Это место запомнилось ему, тогда еще подростку с ярким и живым воображением, как клетка для умирающих людей. Тогда он буквально кожей ощущал запах смерти, исходящий от сухого тела, практически безжизненной оболочки, смотрящей на него впалыми пустыми глазами. Самое яркое воспоминание детства.

Навстречу следователю вышла патологоанатом: субтильная темноволосая женщина в больничном халате с маской на худом лице.

– Пройдемте, – сказала она и повела его к двери с надписью «аварийный выход».

Затем они спустились по темной лестнице и вошли в металлическую дверь серого цвета. По другую ее сторону Муратову в нос сразу ударил запах бальзамирующей жидкости и дезинфектантов. На стальных каташках в ряд лежали сильно обожженные тела, которые вряд ли можно было хоть как-то опознать. Мерзкий запах формалина мгновенно пропитал одежду следователя, он чувствовал едкий, сладковатый аромат. Мужчину провели в самый конец холодного, дурно пахнущего помещения к крайнему блоку морозильных камер.

– Тело сильно изувечено, при нем не нашли никаких документов, – сухо констатировала врач.

Нет, это не может быть она! Муратов собрался с духом и попросил женщину открыть камеру. Она молча выдвинула металлический поддон, на котором покоилось хрупкое, маленькое тело. Явно девушка, невысокая. Муратов еле сдерживал дрожь.

– Почему тут лишь я один?

– Не опознали лишь одно тело, – равнодушно произнесла работница морга.

Алексей вдруг засомневался, какое отношение эта женщина имеет к моргу? Насколько он знал, при опознании должен присутствовать психолог. Мужчина огляделся. Стояла пронзительная тишина, лишь капельки воды размеренно стучали по дну стальной раковины, в которой лежали инструменты. Краем глаза Алексей взглянул на женщину: на ней не было даже

бейджика с фамилией и должностью. Где все санитары, патологоанатомы, судмедэксперты? Хоть кто-то тут должен быть?

Его затошнило, и мужчина оперся руками на морозильники.

– Вам плохо? – спросила женщина все так же равнодушно.

– Да, что-то нехорошо. Знаете, – он выдержал паузу, – я любил ее. Действительно любил.

Образ Кати ускользал от него, как морок, все больше размываясь в голове. Алексей отчаянно цеплялся за воспоминания. Он точно знал, что это не ее тело. Но что, если его уверенность – это лишь способ противостоять скорби? Вдруг перед ним – его любимая девушка, а он не верит? Сомнение подтачивало его, словно червь, пыталось прогрызть брешь в уверенности в собственном чутье. Его повело, следовательно чуть не упал.

– Я принесу вам успокоительное, – словно робот, отчеканила женщина и вышла, оставив его один на один с обгоревшим трупом.

Муратов не стал зря терять время. Быстро взяв себя в руки, мужчина схватил с полки медицинские перчатки и, надев их, сорвал белую ткань. Он бы мог узнать каждую родинку на теле Кати, однако труп был сильно обезображен. Алексей вспомнил, что у нее был давний перелом голени, который частенько беспокоил.

– Только улики, никаких эмоций, – бубнил он, прощупывая каждую косточку на правой ноге в надежде найти или нащупать застарелый перелом или найти на коже шрам.

Однако его знаний и умений явно не хватало, чтобы оценить ситуацию правильно. Муратов, подавляя тошноту, продолжал осматривать тело. Достав мобильный, следовательно сделал три фотографии трупа, а потом и остальных тел, лежащих ровной, аккуратной линией. Что-то здесь было явно не так, но он не мог понять, что именно. Раздался скрип где-то в коридоре и быстрые, семенящие шаги. Муратов быстро застелил тело девушки, которую пытались выдать за Катю и присел рядом, тяжело дыша. Женщина принесла три желтые таблетки.

– Вот, выпейте, скоро станет легче.

Взяв со стола патологоанатома планшет, она стала быстро-быстро черкать что-то на бумаге. Муратов, сделав вид, что приходит в себя, внимательно осмотрел врача. Она странным образом двигалась, словно кто-то дергал конечности женщины за ниточки. Тощие руки тряслись, будто она нервничала или была больна. Происходящее казалось все более странным. Закончив делать заметки в отчетах, развернулась и все таким же безжизненным голосом сообщила, что по всем возможным показателям это тело принадлежит Кате.

– Я даже не сказал вам, могу ли опознать тело или нет. Во-первых, у нее...

– Вы точно в этом уверены? – грубо перебила его врач.

– Да.

– Какой смысл кому-то подкидывать чужой труп?

Она шевелила губами, но при этом совершенно ничего не менялось ни в пустом взгляде, ни в мимике. Эта женщина напоминала куклу и Муратову от этого стало жутко.

– То есть, вы официально заявляете, что эта девушка – не Екатерина Арефьева?

– Да, именно это я и хочу сказать, – вздохнув, с уверенностью льва произнесследователь и вышел из морга.

Спустя час, он сидел в ближайшем кафе, пил вкусный кофе и размышлял над произошедшим. Погода была отвратная, с неба лил холодный моросящий дождь, вызывая лишь желание забраться в теплую постель. Сквозь серые пухлые тучи пробивался луч солнца, будто стараясь выжить, принести на землю хотя бы чуточку тепла и света. Сидя прямо около окна, мужчина замороженно смотрел на падающие и отскакивающие от асфальта капли, которые тут же превращались в грязный поток под ногами прохожих. Кутаясь в кожаную куртку, он удивился, насколько в кофейне холодно. Обернувшись, следовательно заметил, что кроме него посетителей нет. Мало того, пропали и люди на улице. Муратов поднялся и огляделся. За длинной стойкой бара сидел человек в черном костюме, чей силуэт показался Алексею смутно знакомым.

– Эй, а где все? – он старался сделать голос максимально веселым и непринужденным, чтобы скрыть нахлынувший страх.

Фигура не шевелилась, и следователь осторожно приблизился к ней. Это явно был мужчина, довольно худой, даже сухой, с совершенно лысой головой. Идеально гладкие руки человека положил на столешницу.

– Эй! – сказал следователь и положил руку на плечо незнакомца, – что тут происходит?

– А ты не понимаешь, Алеша? – раздался голос, больше напоминающий скрип старой половицы, – они за твоей спиной.

Внезапно мужчина развернулся и мертвыми, пустыми глазами уставился на Муратова. Это был его отец, такой, каким Алексей его запомнил, будучи подростком. Костюм, в котором его похоронили, грим, чтобы скрыть дефекты лица; тело, пропитанное бальзамировочной жидкостью, совершенно иссушенное коварной болезнью. Алексей сделал шаг назад.

– Тебя тут быть не может, – сказал он, подавляя ужас, – ты – галлюцинация.

– Возможно. А может и нет, – пустые глаза внимательно следили за Муратовым, – но ты теперь отмечен. Они стоят за спиной и ждут. Берегись, сын.

Резкий звук мобильного телефона вывел следователя из состояния транса. Он сидел на прежнем месте, напротив стоял недопитый холодный кофе в пластиковом стакане и лежал недоеденный сэндвич с рыбой. Мужчина будто все это время сидел тут. Вокруг повсюду были люди, большинство копалось в телефонах, кто-то задумчиво глядел в окно. Он посмотрел на то место, где еще секунду назад сидел отец – там весело щебетали две молодые девушки. За окном по-прежнему лил дождь, вся улица напротив оказалась заполнена людьми. Они кутались в свои куртки и пальто, открывали и закрывали разноцветные зонты. У входа в кафе пожилая женщина в длинном плаще стряхивала дождевые капли с поверхности дорогой кожаной сумки.

Муратов взял телефон.

– Тебя где носит?! – крик Ткачева озадачил следователя.

– В смысле где, я только что из морга.

– Да что ты заливаешь! Они тебя два часа ждали, не дождались и сами все написали. Ну ты чего творишь-то? Слушай, я понимаю, потеря близкого – это тяжело, но от тебя требовалась лишь одна подпись.

Муратов уставился на прозрачную столешницу, будто проваливаясь сквозь землю и цепляясь хотя бы за что-то реальное. Ведь он лишь взял адрес морга и поехал на опознание. Но приехал не туда? Как же обожженные тела? Да что тут творится вообще?

– Но я был там – Алексей стал запинаться, – точно был, шеф. Только что по адресу ездил, но тело это не ее. Я не могу ничего такого подписать. Она все еще может быть жива.

– Я не знаю где ты был, – вздохнул Ткачев, – но тело твоей Екатерины уже забрали. Нас это больше не касается. Теперь она официально мертва, точка. Ты поезжай домой, возьми отпуск и выпишись как следует. Я Никите скажу, чтобы дела твои взял на себя пока и в курсе меня держи о своем самочувствии. Отбой.

Гудки – длинные, бесконечные и беспощадные. Муратов почувствовал головокружение. Оплатив кофе и бутерброд, шатаясь, направился к выходу. По дороге мужчина налетел на официантку, которая озабоченно уставилась на него:

– Мужчина, с вами все в порядке? Может быть, присядете?

– Нет, – выдохнул Муратов и выскочил на улицу.

Нужно было вернуться в тот морг и выяснить, что происходит. Развернувшись и нарушив пару правил дорожного движения, следователь вернулся туда, где был. Каков же был его ужас, когда вместо городской больницы увидел лишь развалины. Бросив зонт на асфальт, мужчина схватился за голову. Неужели он, старший следователь Муратов, сошел с ума? Бросился к машине и достал сумочку Кати: телефон, документы девушки были в его руках, настоящие и реальные, они служили якорем, не позволяющим утонуть в пучине безумия. Осознанность

стала постепенно возвращаться, а мысли – приобретать форму. Значит, все-таки он был в этом чертовом морге. Подняв мокрый зонт, мужчина быстро закрыл его и сел на сидение машины. Нужно поехать домой и все обдумать.

Где-то на половине пути получил сообщение от напарника: «Официально все тела переданы РПЦ. Не нравится мне эта история. Держись там.»

Оказавшись дома, Муратов первым делом спрятал вещи Кати в спортивную сумку и засунул ее в самый дальний угол шкафа, в специальную нишу. Он всегда держал ее на всякий случай, хоть и слабо верил, что пригодится. И вот – свершилось. Затолкав сумку в шкаф, пошел в душ. Прижавшись спиной к холодной кафельной плитке, мужчина закрыл лицо руками.

«Во что же ты вляпалась, Катюша? Где мне тебя искать?»

На глаза всегда уверенного и сурового Муратова навернулись слезы. Он скучал по ней, Бог видит, как скучал. Или Бог уже ничего не видит? Кому нужны молитвы простого человека? Проведя под горячими струями как минимум полчаса, мужчина решил отдохнуть и подумать о проблемах на свежую голову. Весь вечер бездумно пролистывая каналы телевизора, он наткнулся лишь на один, где освещали массовый арест неоязычников. С яростью и ненавистью ведущие канала поливали грязью тех, кто не мог им ответить. На экране люди в черной форме жестко хватали, тащили куда-то женщин, стариков и молодых людей. Не в силах дольше смотреть этот фестиваль абсурда, Алексей улегся спать. Было слишком тихо, мужчина специально оставил окно открытым, чтобы слышать шум дождя.

Посреди ночи в квартире послышался шум. Муратов всегда спал очень чутко и этот звук не остался незамеченным. Приоткрыв глаза, сперва ничего не увидел. Затем все произошло, словно в замедленной съемке. Ни то человек, ни то что-то иное стремительно бросилось на постель следователя, за долю секунды перемахнув четыре метра спальни. Муратов отреагировал быстро, челюсти клацнули прямо над ухом. Упав с кровати, он попытался к стене и смог разглядеть нападавшего. Это была женщина-патологоанатом. Глаза были совершенно пусты, челюсти неистово сжимались и разжимались, она на четвереньках стояла на кровати; с мокрых слипшихся волос стекала дождевая вода.

Муратов словно оцепенел. Такое он не мог представить даже в самом страшном кошмаре. Женщина продолжала с жутким, скрипящим звуком работать челюстями и внимательно наблюдать за жертвой. Алексей понял, что надо бежать. Не оглядываясь. Даже не думая о том, чтобы надеть что-нибудь, следователь вскочил на ноги и рванул к выходу. Существо было гораздо быстрее и через секунду на спину крупного мужчины навалилось холодное, мокрое тело мертвого врача. Она смогла достать его и с силой цапнула за руку. Алексей взревел от боли и попытался скинуть ее с себя. Однако женщина была куда сильнее его. Прижимая следователя к полу, зашипела ему на ухо:

– Они следят за тобой. Они за твоей спиной, – проклацала она, – ни убежать, ни спрятаться. Теперь они знают, что ведьма жива.

Следователь стремительно терял силы, пытаясь удержать ее. Но внезапно со стороны окна послышался звон бьющегося стекла. Кто-то с силой сорвал женщину с Муратова и швырнул к противоположной стене. Раздался нечеловеческий вой. Затем жесткая рука схватила его за майку и подняла на ноги.

– Уходи отсюда, – послышался знакомый голос, – и забудь то, что видел.

Незнакомец сильно толкнул Алексея к выходу, затем обернулся к мертвому врачу. Она снова встала на четвереньки и неистово шептала:

– Колдун... не поможешь... он отмечен.

Муратов обернулся и увидел фигуру в темном капюшоне. Его рука держала мертвую женщину за волосы, та же неистово извивалась в попытках покусать, однако человек был сильнее. Его пальцы, покрытые грубой обгоревшей кожей, стали загораться один за другим, затем пламя перекинулось на упирицу, которая завывала еще сильнее. Мужчина обернулся к Муратову:

– Ты все еще здесь?

Под мокрым капюшоном увидел лишь пылающие зрачки. Алексей не стал испытывать судьбу и быстро выскочил за дверь, успев схватить лишь ключи от машины. Сев на водительское сидение, мужчина смог немного отдышаться и осмотреть раненую руку. Врачику укусила его чуть выше запястья, довольно глубоко; кровь сочилась из свежей раны, по форме повторяющей челюсти человека. Руки мужчины дрожали. Не в силах успокоиться, он стал прокручивать в голове увиденное. Что за странный тип в капюшоне? Где он слышал его голос раньше? И эта женщина, она выглядела ужасно, будто действительно была мертва. Но ведь мертвае не ходят по улице, правда?

Следователь выглядел не лучше нее: весь промок под дождем, пока бежал к машине, в одних трусах и майке, босиком, с кровоточащей рукой. Чуть успокоившись, Алексей почувствовал, что сильно замерз. Нужно было что-то делать, домой возвращаться нельзя. Муратов принял решение и завел мотор автомобиля.

Глава 6

– Это место станет прекрасным стартом для вашей дочери. Ее отметки позволяют принять Рину без вступительных испытаний. Несмотря на то, что это пока только эксперимент, мы хотим обеспечить нашим воспитанникам лучшие условия.

Размеренный и властный голос эхом прокатился по светлому кабинету, наполненному множеством ярких цветов в горшках. За столом напротив сидел мужчина с седыми волосами, жесткими чертами лица и голосом, будто сотканным из металлических нитей. Он переводил взгляд с меня на рядом сидящую женщину. Она была неплохо одета, только неоднократно заштопанная сумка и швы на локте пиджака выдавали невысокий достаток. На мне были плотные белые колготки и красные сандалии. Светлая косичка небрежно покоилась на плече.

Когда мы выходили, мимо пробежала стайка девочек в школьной форме. Такую одежду я видела только в кино и всегда мечтала примерить ее на себя. Но внутри что-то подсказывало, что это плохое место. Несмотря на яркий свет, обилие зелени за окном и множество улыбающихся детей, ощущала, что здесь опасно. Женщина рядом – моя мать? Несмотря на достаточно молодой возраст, рука напоминала ладонь старухи. Серые, невзрачные волосы, собранные в хвост, простая старая одежда, ветхая сумка в руках, и я рядом с ней. Эта женщина слабо сжимала мою ладонь.

На этом тревожный сон оборвался. Я чувствовала, будто тоню в кровавом болоте, все вокруг наполнял ужас. Затем меня будто перенесло во времени. Стояла осень, прямо, как сейчас – только золотая и теплая. Сентябрь? На мне – школьная форма, о которой так мечтала долгие летние месяцы. Мать снова держала меня за руку, в этот раз она выглядела куда лучше. Свежая косметика, окрашенные в рыжий длинные волосы. Она улыбалась. Они с отцом купили машину, о которой давно мечтали. Он вытащил с заднего сидения небольшой розовый чемоданчик. Лицо папы было размыто, я его не видела.

Мать присела передо мной на корточки и стала поправлять немного съехавший бант.

– Я горжусь тобой, Риночка, – сказала она, смахивая слезу, – ты дала своему отцу шанс начать все сначала. Эта школа – билет в новую жизнь, без бедности и лишений.

– Мама, – сказала я, с трудом понимая, что все это значит, – а когда вы заберете меня домой?

Вцепилась в ее руку и не хотела отпускать. Сзади подошел тот самый седой мужчина и аккуратно вытащил маленькую ладонь из рук матери.

– Рина, пора идти. Комната готова, скоро будет линейка, ты должна успеть привести себя в порядок.

Он мне не нравится. Попыталась вырвать руку, но хватка этого человека была слишком крепкой.

– Мама! Не уходи! – кричала я, когда родители с улыбками махали мне на прощание, – заберите меня! Я хочу домой!

Начала задыхаться и резко распахнула глаза. В комнате, погруженной в объятья ночи, потихоньку тикали настенные часы, а снаружи что-то шептал осенний ветер. Окно было открыто сверху, полупрозрачные шторы из бежевой органзы вяло покачивались в такт порывам прохладного воздуха. От кошмара не осталось и следа, взгляд упал на идеальный белый потолок, украшенный аккуратной небольшой лампой. В этом месте ощущалась лишь безмятежность и спокойствие. Попытавшись пошевелить пальцами правой руки, с ужасом поняла, что не чувствую их. С трудом повернув голову, я увидела капельницу, размеренно вкачивающую прозрачную жидкость в вену. От неприятного зрелища накатила тошнота.

Ноги чувствовали себя не лучше, чем руки. В попытках пошевелить ступнями, я сморщилась от внезапно накатившей острой боли. Желудок выплясывал, выдавая такие па, что тош-

нота то стремительно подступала, то давала передышку. Спустя полчаса безуспешных попыток хотя бы сжать руку в кулак, обессиленно выдохнула. В этой дорожно обставленной комнате витал приятный аромат, слегка подпорченный запахом медикаментов.

Едва заметная тень отделилась от заигрывающих друг с другом полупрозрачных штор. У изножья кровати стояла девушка, которую я уже где-то видела. Точно! В памяти со скрипом всплывали воспоминания о первом визите в «Венефику». Это же помощница Каина Вуда! Кажется, он звал ее Ева. Даже странно, я слишком хорошо ее запомнила. В попытках произнести хоть слово, лишь беспомощно шевелила губами. Все тело периодически пронзала острая боль, заставляя тихо стонать, а горло словно покрылось сотнями шипов, не позволяя даже сглотнуть.

– Профессор, – послышался холодный голос, – она очнулась.

Ева слегка задержалась, глядя на меня взглядом, полным презрения, после чего быстро вышла. Что это было? Она словно хотела что-то сказать, но в последний момент плотно сжала губы и промолчала. Странная девушка, которая сильно напоминала мне Александра. Враждебность в воздухе почувствовал бы даже мертвый. От мыслей голова шла кругом, они накатывали резкими волнами, разрывая сознание на части. Отец учил, что даже в самой сложной и безвыходной ситуации первым делом необходимо расставить мысли по местам.

Ночной ветерок приятно обдувал вспотевшее лицо. В комнату вошел невысокий пожилой человек. Он пощелкал пальцами по трубке капельницы, проверил какие-то показатели на небольшом приборе, стоящем на прикроватной тумбочке и взял меня за руку, прощупывая ее с тыльной стороны. В панике я попыталась вырвать ее, но сил не хватило.

– Тсс, – сказал он, – тебе ничего не угрожает. Я просто проверяю пульс.

Губы не слушались, отказываясь выдавать какую-либо членораздельную речь. Как ни пыталась, при малейшем движении внутри все переворачивалось, вызывая страшную тошноту. Стараясь сосредоточиться на воспоминаниях, я прокручивала их в голове, словно слайды. Сначала поехала на похороны, а что потом? Напрягая память, никак не удавалось восстановить всю хронологию событий, они ускользали, словно призраки. Помню сжимающий сердце поцелуй Александра, и девушку, одолжившую платок; помню пытавшуюся меня увести собаку, а дальше – только боль и кошмары.

Судя по тому, что нахожусь в кровати, меня все-таки достали. В голове возник образ: сильный грохот, а следом за ним – удивление и пустота. Я точно жива, но кто мне помог? Александр? Тем временем мужчина измерил температуру, приложил ладонь к моему лбу и покачал головой.

– Тебе лучше не двигаться. Конечно, организм быстро регенерирует, но пока еще слишком слаб.

Регенерация? Снова попыталась задать вопрос, но он застрял в горле. От досады из глаз брызнули слезы, что не укрылось от незнакомца.

– Ну полно тебе, – сказал он весьма дружелюбно, – главное, что жива. Сейчас нужно прийти в себя. Не каждый день тебя еле живую спасают из-под взорванного здания.

Кто-то взорвал храм? У кого же хватило злобы такое сотворить? Что ж, это многое объясняет. Но кто спас меня, ведь Алекса рядом не было? И что с остальными людьми, погребенными под завалами? Тем временем лысеющий мужчина взял мобильный телефон. Судя по поведению и речи, он был медиком.

– Да, Каин, она очнулась. Нет, пока еще даже говорить не может. Хорошо.

Каин? Каин Вуд? Я судорожно заметалась по кровати, понимая, в чьих руках оказалась, но тут же почувствовала боль вперемешку с тошнотой, которую больше не могла сдерживать. Ошалевший врач тут же подставил тазик. Какое унижение. Он аккуратно вытер мне губы салфеткой, затем помог лечь удобнее. Что ж, я в руках у самого страшного человека в мире. Поздравляю, Арефьева, ты попала.

– За...чем, – с трудом пробубнила я.

– Что? – не понял мужчина.

– За... чем?

– Зачем что?

Я умоляюще взглянула на него.

– Понимаю, что тяжело, – вздохнул он, – но ты очень серьезно пострадала. Лучше помолчи и еще поспи.

Сжала руки в надежде, что смогу показать ему неприличный жест, но пальцы не слушались. Я не могу здесь находиться, не в руках этого человека! Что Каин Вуд планирует сделать? Закрыла глаза в попытках собраться с духом. Где же ты, Алекс? Мне необходимо увидеть хоть одного близкого человека. Ну почему так все сложилось? Врач достал шприц и ампулу, затем аккуратно вколол в вену лекарство.

– Не бойся, это легкое снотворное. Тебе нужно больше спать.

Не знаю, сколько времени прошло, но, когда я проснулась, на улице уже стоял день. Несмотря на моросящий дождь, было довольно светло; снаружи шумели автомобили, город жил своей обычной жизнью. Только вот моя остановилась. словно беспомощный инвалид, я лежала на кровати не в силах пошевелить даже кончиками пальцев. В комнате никого не было. Пока спала, врач убрал капельницу и забинтовал бледное запястье. На смену тошноте пришел зверский голод. Снаружи слышались голоса, затем дверь открылась и внутрь вошел Каин Вуд, а за ним – мой недавний знакомый.

Сразу узнала острый взгляд, четкие собранные движения и спокойный, пробирающий до самых костей, мелодичный голос. Рядом с Каином мужчина-врач казался нерешительным и испуганным, его глаза бегали, а голос уже не был таким уверенным. Вуд же, наоборот, выглядел отдохнувшим и вполне веселым. На нем были обычные синие джинсы, светло-голубая рубашка с закатанными по локоть рукавами. Я заметила, что всю правую руку от запястья до локтя покрывали рунические татуировки. Никогда бы не подумала, что такой серьезный человек увлекается тату. Его окружала аура решительности вперемешку с хищной властью. Внезапно заметила, что испытываю неконтролируемое восхищение каждым движением этого человека.

– Тогда я вас оставлю, – сказал врач, нервно закрывая небольшую кожаную сумку, – продукты в холодильнике, ей нужно больше есть. В ящике я оставил снотворное в ампуле и успокоительное, вчера ночью она вела себя беспокойно. Следи, чтобы она себе не навредила.

– Хорошо, Лобанов, – сухо сказал Каин, переводя взгляд на меня, – если что, я с тобой свяжусь.

С ужасом смотрела, как пожилой врач покидает комнату, а я остаюсь наедине с монстром. Каин, не отводя взгляда, медленно подошел ближе. От него пахло дорогим табаком и мужским парфюмом. Мужчина присел на кровать.

– С днем рождения, щенок, – сказал он.

Все, что мне оставалось, это наблюдать. Больше всего пугало то, что этот мужчина был очень доброжелателен. Это напрягало и вынуждало ждать удара с любой стороны. Его расслабленность наверняка была связана с моим положением. Я – жертва в его когтистых лапах и все, что остается, это ждать приговора. Каин улыбнулся еще шире и придвинулся ближе, настолько, что его лицо оказалось очень близко. Сердце ушло в пятки.

– Не пугай меня так больше, – прошептал он и коснулся губами моего лба.

Я ошалело посмотрела на него. Что он вообще творит? Мужчина встал и слегка размял шею.

– Из-за тебя разрушились все мои планы, Катюша, – сказал он, – теперь все идет наперекосяк. Твоя ценность возросла, и я больше не могу рисковать. Поиграли и хватит.

– За... чем, – сухими губами пролепетала я, – вам... это?

– Что именно? – спросил он, – я приехал проститься с безвременно почившими деловыми партнерами, а тут ты лежишь под грудой кирпичей. Пришлось спасать.

Это звучало так буднично, словно Вуд говорил о походе за хлебом в супермаркет. Значит, это его голос я слышала, когда отключалась. Понятно, Александр не пришел за мной. Досада легонько кольнула сердце, но я быстро взяла себя в руки. Никто не мог знать о нападении и винить некого, потому что сама решила поехать. Сделав очередную попытку согнуть пальцы, почувствовала, как у меня получается. Сердце радостно забилося.

– Где я?

Каждое слово давалось с трудом, но нужно было говорить. Слишком много вопросов накопилось, на которые только Каин Вуд мог дать ответы.

– В одной из моих квартир, – сказал он, – не думаю, что тебе что-то даст полный адрес. Ты голодная?

Как унижительно. Этот человек имеет сейчас надо мной неограниченную власть, а я даже руку поднять не могу. Со злости попыталась ударить кулаком по кровати, чем вызвала лишь сильную боль во всем теле. Захотелось отвернуться от него, спрятать испуганный и загнанный взгляд. Однако все, что мне оставалось – это беспомощно лежать и хлопать глазами, скрывая подступающие слезы.

– Не стоит так делать, щеночек, – сказал он, – тебе отсюда не уйти, по крайней мере пока. Сейчас приготовлю что-нибудь. И старайся не говорить пока, просто кивай.

Он ушел из спальни и в соседней комнате послышался звон посуды. Никогда бы не подумала, что этот человек умеет готовить. Не похоже, что он хочет мне навредить, но нужно быть начеку и как только окрепну – сразу бежать и найти Александра. Знаю, он меня ищет. А что, если не ищет? Прогоняя прочь темные мысли, я старалась сменить эмоциональный вектор. Зачем этому жестокому человеку меня спасать, рискуя своей жизнью? Он ведь тоже мог оказаться под завалами. Что же скрывается за маской жестокости и безразличия, Каин Вуд? А что, если Александр ошибается на его счет? Навряд ли. Вуд умеет добиться расположения к себе, именно поэтому так опасен.

Спустя полчаса мужчина вернулся с дымящимся подносом. В спальню проник сытный аромат овсяной каши. Он поставил его на тумбочку и повернулся ко мне.

– Время кормления, щеночек, – сказал он, слегка приподнимая мое беспомощное тело, – не напрягайся так, я тебя не съем.

Он уложил небольшую подушку поверх большой и помог мне сесть. Боль в позвоночнике усилилась, когда мужчина отпустил меня и позволил сесть самостоятельно. Я сжала зубы. Каждое касание этого человека было мягким и трепетным, что запутывало, заставляя снова вспоминать о симпатии, которую так отчаянно пыталась подавить. Он поставил поднос поверх колен так, чтобы пластик не давил на ноги, а сам сел рядом.

– Сама или помочь? – спросил Каин, наблюдая, как я корчусь, пытаюсь устроиться поудобнее.

Я собрала все силы в попытках коснуться ложки, но она показалась такой тяжелой, что не удалось ее даже приподнять. Все это время Каин Вуд молча наблюдал за мной. Меня пожирал стыд, нарастало желание убежать и спрятаться. Ну как я попала в такую ситуацию? Все, что оставалось, это оставить тщетные попытки и расплакаться.

– Ну ты чего, Катя? – спросил он, доставая чистый белый платок, – только соплей мне не хватало. Ты так сильно не хочешь принимать мою помощь?

Если бы он понимал, каково это – быть совершенно беспомощной, не в силах поднять жалкую ложку, почесать нос или сходить в туалет. Да мне даже плакать больно. Отвернувшись, делая вид, что смотрю в окно. Мужчина аккуратно коснулся моей щеки, немного надавил, разворачивая к себе и вытер текущие из глаз слезы. Зачем ты это делаешь? Почему так внимателен

ко мне? Это очень жестоко. Закончив вытирать мой красный нос, он сунул платок в карман и взял в ложку в руку.

– Давненько я не брал в руки кастрюлю, – сказал он, – повезло, что удалось избежать пожара. Овсянка придаст тебе сил. Может быть, хоть улыбнешься.

Зачерпнув немного каши, он подул на нее, затем протянул мне. Из-за нахлынувшего стыда снова чуть не разревелась, но под его настойчивым взглядом пришлось открыть рот. Овсянка оказалась вкусной и сладкой. Ложка, за ложкой, этот человек продолжал кормить меня, словно бездомного щенка, подобранного на улице. Поначалу было больно глотать, каждый раз я морщилась, но с каждой новой ложкой становилось легче. Раньше мне казалось, что нет ничего страшного в уходе за больным человеком, но я никогда не рассматривала ситуацию с позиции самого больного. Читая статьи, слушая рассказы коллег всегда удивлялась, почему лежащие больные такие строптивые и злые, ведь о них заботятся.

Лишь сейчас постепенно приходило понимание, как им на самом деле тяжело. Дело даже не в боли, а в полной беспомощности. Насколько же нужно доверять человеку, чтобы принимать такую откровенную заботу? Каин Вуд – мужчина, которого я боялась и которого никогда больше не хотела видеть, сейчас без тени раздражения проявляет ее, тем самым вызывая внутри целую бурю эмоций. Когда порция овсянки закончилась, я почувствовала приятное тепло в желудке.

– Я же говорил, что люблю кормить красивых девушек, – сказал он и вышел, оставив меня наедине со шквалом различных чувств.

Почти весь день Каин провел рядом, я даже начала привыкать к его обществу. В квартире было довольно прохладно, мужчина накрыл меня еще одним покрывалом, периодически помогал перевернуться, чтобы не отлежать себе бока. Я же пыталась заново научиться управлять телом, то и дело пытаясь сжать руки или подвигать ногами.

– Не нужно себя так мучить, – сказал мужчина, когда я в очередной раз, пытаясь, пыталась согнуть ноги в коленях, – ты хочешь все и сразу, но так не бывает, щеночек.

Ближе к вечеру страшно захотелось в туалет. И вот, настал тот самый момент, Арефьева. Стыд снова захлестнул с головой и я, кряхтя, попыталась забраться под одеяло. Вуд увидел мои тщетные попытки и удивленно спросил:

– Что там интересного?

Я густо покраснела и опустила глаза, беспомощно ковыряя ногтями простыню.

– Ты что-то хочешь? – спросил он, – есть? Пить? А, кажется, я понял.

Он опустился на колени и пошарил рукой под кроватью, затем достал пластиковую тару понятного назначения. Я с ужасом замотала головой. Только через мой труп, Каин Вуд! Он покрутил ее в руках и перевел взгляд на меня. Я с решимостью раненого бизона была готова сражаться за свою честь до последнего, чем вызвала искреннюю улыбку этого человека.

– Этим я задену твою гордость, да? – спросил он, еле сдерживаясь, чтобы не прыснуть со смеху.

Я удивилась, насколько он может быть приятным. Почему больше не вижу в нем монстра, которого мне описывали Алекс и Чуку? Последние льдинки, все еще сковывающие сердце, предательски таяли. Но я просто не могла себе позволить так опозориться. Должна сама пойти в туалет, хоть и не знаю, каким образом. Каин бросил тару обратно под кровать и огляделся.

– Тогда, щеночек, нужно придумать что-то более изящное, – сказал он и быстрым шагом покинул спальню, а спустя пару минут вернулся и сел на кровать.

– У меня есть только одна идея, – сказал он задумчиво, – но придется потерпеть боль. Отнесу тебя в ванную, там все сделаешь, а заодно я тебя помою и переодену.

Он отнесет меня? На руках? Я в ужасе вылупилась на него, а Вуд лишь довольно улыбался.

– Ты согласна?

Прямой вопрос требует прямого ответа, да? Я кивнула, соглашаясь. Мужчина отбросил одеяло, тихонечко взял мои руки и положил на плечи, вынуждая обнять его, а затем аккуратно приподнял тело, прижимая к себе. Касания Каина оказались теплыми и приятными, не вызывая ни капли боли. Так, Арефьева, ты о чем думаешь вообще? Он с легкостью держал меня на руках, я же испытывала крайне противоречивые чувства.

– Ты легкая, как пушинка, – прошептал мне на ухо и отнес в ванную комнату.

Там уже наливалась теплая вода. Мужчина аккуратно положил меня в ванную, от прикосновения твердой поверхности вся боль разом вернулась. Я скорчилась, из глаз опять потекли слезы. Ну уж нет, я так просто не сдамся. Подавив плач, требовательно взглянула на него.

– Ладно, ладно, гордый щеночек – сказал Каин и отвернулся.

Кто бы знал, чего мне стоило расслабиться и сделать то, ради чего я тут оказалась. Спустя несколько секунд он развернулся и оперся на бортик ванной.

– Теперь нужно тебя помыть. Но сначала давай-ка снимем с тебя вот это.

Мужчина стал методично расстегивать мокрую рубашку, а я была готова провалиться сквозь землю. В тот момент пожалела, что он меня спас. И дело было даже не в том, что почти незнакомый мужчина раздевал меня против воли, а в том, что в глубине души я понимала, что мне это нравится. Прикосновения его рук – четкие, но мягкие; дыхание, опаляющее мою шею и цепкий сосредоточенный взгляд. Я была совсем рядом, без одежды, а он лишь ухаживал за мной.

Вуд нанес мыло на руки, затем принялся обмывать мою шею, плечи, затем ключицы и грудь. Заставляя нагнуться вперед, Каин прошелся ладонями по спине вдоль позвоночника, вызвав волну удовольствия вперемешку со стыдом. Я, сама того не желая, выгнула спину и ее сразу же пронзила острая боль.

– Потерпи, еще немного, – сказал он, касаясь губами моей макушки.

Эта фраза показалась на редкость двусмысленной. Внизу живота приятно тянуло, не покидало ощущение, что я хочу и дальше чувствовать эти руки. Но нельзя сдаваться, он ведь этого и добивается. Словно змей-искуситель, делает все, чтобы притупить бдительность, проникнуть внутрь, вывернуть наизнанку и уничтожить.

Каин быстро управился с остальными частями тела, аккуратно вытер меня мягким махровым полотенцем, затем укутал в шерстяной плед и отнес обратно. За все время – ни одного движения или жеста, хоть сколько-нибудь способного смутить или вызвать неприличные мысли. Его прикосновения не вызывали ни боли, ни желания оттолкнуть. С каждым касанием я будто вспоминала давно забытое чувство, которое испытала, впервые коснувшись его руки тогда, в «Венефике». А еще постоянно невольно сравнивала его прикосновения с касаниями Алекса.

После теплой ванны боль притупилась и удалось быстро заснуть. Посреди ночи меня разбудили тихие, но настойчивые голоса. Каин сидел в кресле, а рядом с ним в тени стояла знакомая фигура. Я узнала голос его помощника Николая. Голову мужчины покрывал капюшон, с которого на паркет стекала дождевая вода. На улице ливень?

– Удачно? – спросил Каин.

– Не очень, – выдохнул Николай, – где-то бродит еще один. Но дело плохо, Каин. Они знают, что ведьма жива.

– Откуда? – голос Вуда был очень напряжен.

– От некоего Алексея Муратова, – раздражённо процедил помощник, – это бывший твой ведмочки.

– Что о нем известно? – сказал Каин ледяным тоном, —

Николай положил стопку документов на колени Каина, тот небрежно раскрыл его и начал читать.

– Образцовый сотрудник, уважаем коллегами и любим начальством. Раскрываемость одна из самых высоких по городу. – отчеканил помощник Вуда, – говорят, что в последние

дни ведет себя странно якобы из-за стресса и потери любимой женщины. Вчера не явился на опознание подброшенного нами трупа.

Что? Какого подброшенного трупа? Каин быстро пролистал бумагу и поднялся.

– Что ж, я сам займусь этим человеком, – сказал он, – останься здесь, Мухорт и следи, чтобы ее никто не тронул. Если они знают, то обязательно пришлют кого-нибудь, чтобы закончить начатое.

Мухорт? Он разве не Николаем его называл? Каин подошел к кровати и поправил сбившееся одеяло, затем тихонько прошептал:

– Спи, мой любопытный щеночек.

Глава 7

По дороге от «Венефики» Александр напряженно смотрел по сторонам. Путь волхва лежал через весь город, хоть он и старался максимально избегать шумных дорог, все же пришлось выехать на шоссе. Цепкие глаза то и дело отмечали необычно высокую концентрацию людей в черной форме по обеим сторонам дороги, ведущей из столицы в область. Значит, невидимый враг пошел в атаку, и это не Каин Вуд. Почему именно сейчас, после взрыва? Катя попала туда случайно или, именно она была их целью? Белый волхв чувствовал, как внутри все сжимается от понимания, что девушка будет похоронена по чуждым диким обычаям. С трудом подавив желание развернуться и рвануть прямо в морг за ее телом, он стал размышлять.

Из всех его знакомых только Аня имела доступ к базе данных всех столичных госбольниц. Нужно забрать ведьму, причем как можно скорее. Александр понимал, что ему предстоит просить подопечную нарушить закон, да еще и в такое непростое время. Из черных глубин подсознания выплыла предательская отравляющая мысль:

«А ведь изгнанник мог бы помочь и с этим. Если бы ты не стал играть в героя.»

Смахнув ее, словно назойливого комара, волхв сосредоточился на дороге. Сжав зубы, нажал на педаль газа несмотря на ливень и плохую видимость. Все трассы, ведущие из города, были оцеплены, полицейские осматривали каждую машину. Волхву пришлось здорово потрудиться, сдерживая растущую ярость и презрение, спокойно разговаривая со стражами правопорядка. К счастью, его машина не вызвала подозрений. Выехав за пределы столицы, Алекс наконец-то смог выдохнуть.

Ворота во двор были открыты, внутри стояла лишь как всегда криво припаркованная машина Ани. Почему-то сейчас этот маленький раздражающий факт не разозлил волхва, а позволил вздохнуть с облегчением. Значит, есть еще время, чтобы увезти друзей. Спрятав «Passat» Вуда в густую зелень по другую сторону около чьего-то давно забытого дачного домика, Алекс быстро прошел на участок. Зайдя в дом, он увидел шамана и девушку. Чуку властно раздавал указания, а Аня бегала по дому, как заведенная, то и дело усердно работая метлой.

– Сенсей! – крикнула она, – ты живой. Слава богам!

– Вы слышали, что происходит? – спросил он, заходя в сени, – вам обоим опасно тут находиться. А ты почему не в больнице?

– Взяла отгул в связи с последними событиями, – сказала она, – не могу там находиться, вдруг кто-то увидит метку. Сейчас носить тату становится опасно.

Александр хмыкнул.

– Ты должна выйти на работу и узнать, что с телом ведьмы, – сказал он строго, – нам нужно забрать его и совершить обряд погребения. Я не допущу, чтобы ее закопали и отдали червям

Глаза девушки округлились, а шаман внимательно взглянул на полного решительности волхва. Александр был непреклонен. Он понимал, что шансов у них немного, но был готов rischiare в лепешку, лишь бы получить тело девушки для проведения погребального ритуала.

– Да ты жестокий, – сказала Аня, ставя швабру в угол, – ну ладно.

Взяв дрожащими руками смартфон, она стала набирать номер. В глазах девушки стояли слезы, вызванные одновременно обидой и страхом за свою жизнь. Александр это понимал. Ему было безгранично жаль, но иного пути волхв не видел. Несмотря на то, что он искренне любил Аню, своим светом озаряющую его пустоту, Алекс не мог позволить себе проявлять слабость или сомнения. Чуку покачал головой:

– Она боится. Не допусти, чтобы с егозой что-нибудь случилось.

Александр кивнул:

– Конечно. Но вам нужно уехать как можно дальше, пока все это не утихнет. Сейчас они хватают всех подряд, могут дойти и до тебя. Общество возмущено взрывом, и оно жаждет крови. Нашей крови, – сказал Алекс, – нужно спасти вас, чтобы сохранить остатки веры, подпитывающей Пантеон.

– Я стар уже, – сказал шаман, – и никуда убегать не стану.

– Чуку, – настойчиво повторил волхв, – я вас здесь не оставлю. Это опасно для жизни, как ты не понимаешь?

– Боги защитят старого шамана, – сказал тот, – я не стану убегать лишь потому, что горстка властолюбцев решила, что моя вера неправильна. Я достаточно прожил на этом свете, чтобы понять: у меня есть только я сам и те, кто мне дорог. Если убегу, то потеряю эту ценность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.